



Михаил Нестеров

Если враг не сдается

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125690
Нестеров М. Если враг не сдается: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04003-X

Аннотация

Группа чеченских боевиков проникает в глубь территории России. Их первая цель – учебный центр по подготовке спецназовцев ГРУ... Игорь Мельников, инструктор центра, наделенный иронической кличкой Миротворец, с врагами привык обходиться круто. За их жизнь он не даст и ломаного гроша. Особенно за шкуру того, кто тайно просочился в расположение их лагеря и выдал себя за своего. Этот опытный боец станет сражаться до последнего. А если враг не сдается, его, как известно, уничтожают!..

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	10
Глава 2	16
3	16
4	22
Глава 3	24
5	24
Глава 4	29
6	29
7	34
Глава 5	37
8	37
9	39
10	41
Глава 6	44
11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Нестеров

Если враг не сдается

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Расчет, помноженный на склонность к авантюризму, – страшная сила.
Юрий Богомолов

Если вы подолгу всматриваетесь в бездну, то бездна в свою очередь всматривается в вас.
Фридрих Ницше

Глава 1

ХРОНИКА ДВУХ ИНТЕРВЬЮ ¹

1

Чеченская Республика, 1 марта 2003 года, суббота

– ...ему было не больше пятнадцати, может, четырнадцать, – они, подонки чеченские, рано взрослеют. Его уже было не перевоспитать – не осталось такой среды. Я попросил его поднять бутылку с водой. Когда он нагнулся, я выстрелил ему в затылок: не из жалости к этому уроду – с такими давно все понятно, надо только кончать. Мне человека убить, как два пальца... Ничего не чувствую. Бах! Мозги по всему подвалу. Чеченцы – сволочная нация, уроды, которые испокон веков жили грабежами и убийствами, – это у них в крови. Воюет сейчас тупорылая чеченская молодежь, которая выросла между двумя войнами. Если вывести войска, боевики, собравшись, передают несогласных как вшей. И не только в Чечне, а в любом российском городе, в любой воинской части, где служат эти уроды.

И еще о чувствах. Сейчас говорю за себя, но большинство офицеров не чувствуют себя гражданами своей страны: России не существует. Они воюют за малую часть российского народа. А для них, офицеров, эта малая часть – солдаты. Россия пинками гонит их на горные чеченские пастбища – не бросать же их.

У моей разведывательно-диверсионной группы свой горный район в Чечне, своя задача: поиск и уничтожение боевиков без суда и следствия. Мне уже месяца три никто в плен не сдавался. Последний раз – четверо «чехов». И то потому, что мы с ребятами крепко обложили их. Другого выхода у них не было. Они вышли с поднятыми руками. Мои парни поставили их на колени и разрешили помолиться. Что дальше? Мы подарили им легкую смерть.

– Это вы похищаете по ночам людей и потом уничтожаете?

¹ Интервью составлены по материалам газеты «Известия». Статья Вадима Речкалова «Человек из Другого ущелья».

– Процентов тридцать из них похищены и убиты в результате криминальных разборок между самими чеченцами, двадцать – боевиками. А процентов пятьдесят уничтожаем мы. Под это дело порой и невинные люди попадают. Чеченцы власть делят, оговаривают друг друга. Так что иногда поздно что-либо исправить – человека нет. Только не надо меня в чем-то обвинять. Рано или поздно каждому замазанному в крови придурку снесут башку.

И вообще я бы заварил такую спецуху. Для начала уничтожил бы всю чеченскую вершушку. Любыми путями. Подстрелил бы или взорвал. Свалил бы все это на ваххабитов, а потом поделил бы Чечню между Ингушетией, Дагестаном и Ставропольским краем. Такой республики не должно быть. Она должна раствориться в России, а чеченцев надо ассимилировать. Знаете, что говорят мои ребята? Умные вещи: «Дайте нам веру в будущее, и мы перемелем всех».

Я лица своего от камеры не прячу, смотрю открыто, говорю прямо то, что знаю и думаю, в чем уверен. Но показал бы больше, представься такая возможность: того пятнадцатилетнего уродо-боевика, чьи мозги я размазал по подвалу. Ответ. За каждый кадр, где режут русского солдата. Только вы не покажете. Потому что России вражеская кровь не нужна – своя слаще.

– Думаете?

– Иногда делаю, а думаю потом. Но совесть никогда не мучает. Неважно, сколько человек ты убил, важно другое: как ты будешь жить с теми, кто еще жив.

– Жалеете о чем-нибудь?

– Да. Что не могу перечеркнуть свою жизнь и сначала начать – как в песне поется.

– И с чего бы вы ее начали?

– С начала. С самого начала. Заново.

– Каким вы видите свое будущее? Может, это контрактная служба, военное училище?

– Вряд ли. Я не хочу состариться вместе со своим автоматом. Но я не боюсь, что кто-то, как и я, подарит мне легкую смерть. Холодею лишь от одного, что подохну от шальной пули.

– Чеченские боевики назначили за вашу голову большую награду. Что вы испытываете по этому поводу?

– Жалость к подателю моей головы. Боевики обманут его. Потом, возможно, хлопнут.

– Жалость, вы сказали. Вы способны на сострадание?

– Недавно я был в отпуске. Присутствовал при сносе школы, в которой учился. Стоял в десятке метров. Камни и щепки летели мимо меня. Плакал.

– Вы верите в удачу?

– Когда работаешь 24 часа в сутки и 7 дней в неделю, удача приходит сама.

– Еще один вопрос. Почему вас называют Миротворцем?

– Каждого как-нибудь да называют.

Миротворец прикурил сигарету. Отвечая на вопросы репортера телеканала РТР, сержант-спецназовец смотрел на него и лишь изредка бросал взгляд в объектив видеокамеры. Оператор тоже лишь иногда брал крупным планом его длинное скуластое лицо с раздвоенным подбородком и светло-серыми, водянистыми глазами. Порой ему становилось жутковато от холодного взгляда Миротворца – «волкодава», специалиста по диверсиям. Несколько странным показался репортеру ответ Миротворца на один из первых, как бы общих вопросов: как воспитывают солдат в учебных подразделениях спецназа. «Так, – ответил «волкодав», – чтобы они ненавидели командира на учебном полигоне и чтобы ненависть превратилась в любовь в реальном бою. Всего один шаг, но опытный командир его всегда чувствует».

Странный, противоречивый человек, действительно сильный и одинокий, как волк, но такой же сильный в качестве вожака стаи. Своей стаи бойцов из спецподразделения ГРУ. Там его почитают, поэтому ему необязательно исполнять девять заповедей.

Акела? – задался вопросом корреспондент, заканчивая интервью. И ответил себе соответственно: плохо ему будет, если он промахнется. Если уже не промахнулся, согласившись на откровенную беседу. После выхода материала в эфир вокруг него загалдит не только «генеральская свора» из ОГВ на Северном Кавказе: «Акела промахнулся!» И он сползет со скалы советов. Его никто не станет защищать – не хватит смелости. Он еще молодой, но уже «продвинутый»; обесценится ли он в глазах общества, которому свое мнение, продиктованное свыше, навязжут средства массовой информации? Один – нет, разговор о целом пласте таких же «продвинутых» сверстников Миротворца. Чтобы пресечь этот яркий пример для подражания, его поспешат объявить психически неуравновешенным – причем лишь раз, дабы не разгоралась вокруг него шумиха. И быстренько эвакуируют его на «большую землю», чтобы, не дай бог, кто-нибудь не подарил ему легкую смерть. Сраженный чеченской пулей, он действительно станет героем.

Но самым странным противоречием в этом интервью был контраст между тем, что говорилось, и тем, кем говорилось. Не верилось, что эта слаженная, порой грубая, но в основном беспощадная и трезвая речь принадлежит старшему сержанту, 23-летнему парню. Чтобы мыслить и говорить с такой жесткой убежденностью, нужно пройти путь военного как минимум в десять лет. Может, он выступает не от себя, а от группы товарищей, среди которых есть и офицеры? Этот вопрос журналиста остался открытым.

«Был бы жив сосед, что справа, он бы правду вам сказал».

Три дня спустя

Генерал-майора Николая Мельникова, прилетевшего в Ханкалу, встречал капитан из штаба внутренних войск. А лучше бы никто не встречал, злился генерал. Он был одет в камуфлированную куртку без знаков различия; а спускаясь по трапу, надел солнцезащитные очки. О, это крайне важная деталь, позволившая Николаю Александровичу скрыть свои полыхающие огнем мигалки. От того же капитана, которому также не помешала бы светомаскировка: на его лице, показалось генерал-майору Мельникову, было выписано что-то клиническое, типа язвы открытой формы. Впрочем, Мельников ошибался: в глазах офицера, поднесшего руку к головному убору, не было и намека на иронию.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! Капитан Рявкин...

– Здравствуй, – козырнул в ответ Мельников и пожал офицеру руку.

– Как долетели? – справился капитан и указал рукой на «УАЗ», стоявший в пятидесяти метрах от самолета. – Нам сюда.

– Неплохо, – ответил Николай Александрович, на языке которого вертелась распространенная язвительная фраза: «Спасибо, что спросил». Прикуривав на холодном ветру и чуть отставая от Рявкина, он проявил нетерпение: – Где этот змей?

Капитан, воспользовавшись тем, что генерал был на шаг позади, пошарил по хмурому небу своими ясными глазами, словно отыскивал на нем воздушного змея – отчего-то китайского производства.

– Дождидается вас в общежитии. Нам разрешили привезти его, до утра он в вашем распоряжении.

– Далеко ехать? – спросил Мельников, занимая место в машине и так же за руку здороваясь с водителем, сержантом внутренних войск.

– Мигом доедем, товарищ генерал! – обнадежил Рявкин.

Мигом... А побыстрее нельзя?

Для беседы генерала с сыном была подготовлена комната в общежитии для приезжих, в основном там останавливались родственники военнослужащих. Генерал прошелся по мрачному коридору со скрипучими половицами, отметил, послушав беспокойный фон голосов,

неважную звукоизоляцию, словно общагу строили кагэбэшники. Открытого разговора тут не получится, пришел к выводу Мельников, остановившись перед дверью, на которую ему указал провожатый.

Генерал толкнул скрипучую дверь, оставаясь на месте; желания шагнуть за порог у него не было.

С койки поднялся высокий молодой человек. Красивый, падла, хотя и бритый наголо; стройный, сволочь, хотя и в мешковатом камуфлированном костюме. Перед генералом стоял совсем не тот человек, которого последний раз он видел полтора года назад. Вживую. Повзрослевший, возмужавший, с легким налетом усталости на лице.

– Миротворец... – Генерал, прикуривая очередную сигарету, не сводил глаз с сына; боковым зрением видел застывшего рядом капитана Рявкина. Тот проявлял явное любопытство и не спешил с казенным вопросом: «Разрешите идти?» – Миротворец, – повторил Мельников-старший, насылая в голос иронию и многозначительно выпячивая губу. – Помню, на гражданке тебя прозвали Фролом Кургановым. Там у тебя было два дела: гулять и портить девок.

– Пап, зайди, а? – Старший сержант дал отмашку провожатому, кивнув и скосив глаза в сторону: «Давай, капитан, канай отсюда».

Рявкин, словно генерал спал, тихонько обошел его сзади и исчез из виду.

А Мельников так и остался стоять у порога. Вряд ли таким образом он выказывал свое недовольство или пренебрежение, не походило это и на воспитание. С воспитанием генерал, окончивший Саратовское училище внутренних войск, Военно-политическую академию, занимавший должности начальника политотдела полка, бригады и дивизии, а теперь исполняющий обязанности командующего войсками Приволжского округа внутренних войск, участник Первой чеченской кампании, – так вот, с воспитанием он явно опоздал.

Избалованный, со всеми – в том числе и с жизнью – грубо на «ты», генеральский сынок... Что от него осталось? И вообще он ли это? Если снять с него камуфляж и одеть в гражданку, проявятся ли его знакомые черты? Прежнего Игоря Мельникова словно не стало, а вместо него из «ящика» показался совсем другой человек, вовсе не родной сын, но с определением «наш». В ушах Николая Александровича до сей поры стоял испуганный голос жены: «Коля, скорее! НАШЕГО показывают».

«Нашего» показали во всей красе и в полном патриотическом смысле этого слова. «Наш» мочил врагов – скрытно, хладнокровно; «наш» вел к победе свой народ, с каменным лицом сопереживал ему; он то ли просил, то ли требовал дать свободу ему подобным, чтобы они перемололи всех!

Боевик. Не сын, а передача по телевизору походила на крутой боевик, где главную роль супермена играл мордоворот, здорово смахивающий на Игоря Мельникова. Начало крутое, но где пролог? Где вступление, где та российская сказка, в которой обычный дурак превращается, как и положено, либо в тупую смертоносную машину, либо в олигарха? Следовало показать по «ящику» разнузданного героя нашего времени: джинсы – майка – пиво. И его окружение, отличающееся лишь цветом маек и потертостью заморских штанов. На «заднике» хорошо бы показать сутулого генерала – еле-еле его видно – и дать титры: «Сын по стопам отца не пошел». И многообещающее многоточие, стилизованное под прошитую автоматной очередью окровавленную грудь отпетого негодяя. И дабы не искушать зрителя однотипностью подачи информации, запустить голос за кадром – гнусавый такой голос, знакомый многим по переводам американских кинофильмов: «В свои 22 года он, пока еще Фрол Курганов, но еще не Миротворец, неожиданно заявил, что хочет... в армию! Может, он таким образом хотел спастись от многочисленных дружков, которые служили при нем аппаратом машинного доения? Или он убегал от подруг, каждая вторая из которых была уверена, что забеременела от генеральского сынка и непременно в генеральских хоромашах? Каждая вторая

рассчитывала на продолжительную веселуху, заодно предвкушая растерянную харю будущего папаша. Только наш герой никого веселить не собирался. Он выбрал для себя подразделение с самой строгой дисциплиной, какую только можно себе представить: армейский спецназ. Под «крышу» отца, то есть спецназ внутренних войск, лезть не захотел из принципа».

– Так и будешь стоять в дверях? – спросил Игорь.

И генерал не узнал голос сына. Вообще что он сможет объяснить своим голосом? Ничего. Ему требуется защита, без нее он никто – ни прежний разнузданный генеральский сынок, ни возмужавший, с перекошенной крышей, Миротворец. Для кого-то – наверное, для большинства российской молодежи – он предстал профессионалом высокого уровня, со своими понятиями о том, что происходит в Чечне, какими методами нужно бороться с «чеченской заразой». Разумеется, по молодости лет он в чем-то заблуждался, а в чем-то был откровенно прав. Но свою точку зрения не только имел, но и сумел высказать ее очень громко, на всю страну.

– Я скажу тебе, что станет с тобой в ближайшем будущем, – словно отвечая на свои мысли, сказал генерал. Он вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. Не сдержав усмешки, протянул сыну руку. – Ну, здравствуй.

– Привет! – Игорь коротко и облегченно рассмеялся, пожимая отцу руку. – Как мама?

Николай Александрович, не ответив на вопрос сына, продолжил:

– Ты многое приобрел за эти полтора года. Не все, но опять же многое ты потеряешь, когда вернешься домой. Утерянные позиции. Ты начнешь штурмовать утерянные позиции: расслабляться пивом, оттягиваться с подругами. Но уже более сильным, – в духе военно-политической морали продолжал Мельников, – и с прежним опытом распутной жизни. Из тебя выйдет военно-гражданский гибрид – хочешь ты этого или нет. А теперь я хочу спросить: кто подтолкнул тебя к этому дурацкому интервью?

– Никто не подталкивал, я сам.

– Сам... Просто так, беспричинно, да? А я могу назвать причину. Тебя достала служба, война, если хочешь. Тебя достал десинхроноз². Ты здесь, но все твои мысли дома. То же самое произошло полтора года назад, когда ты был в кругу доставших тебя друзей.

– Ну чё ты все достал да достал! – психанул Игорь. – Никто меня не доставал. Тебя, как я понял, больше волнует твоя репутация. Колись, товарищ генерал. Скажи, что вторая звезда и должность командующего войсками округа тебе пока не светит. Я не хотел тебя подставлять, я высказался, понял? Чтобы у людей что-то сдвинулось в их уродских мозгах. Нельзя так. Знакомо, правда?

– Ты спятил, скажи честно?

– Нет. Но что-то важное в себе погубил. *Разве и это тебе ни о чем не говорит?*

«Генеральский сынок?» Мельников давно перестал морщиться от этого определения, но еще ни разу оно не звучало в вопросительной форме. Выходит, меняется его качество? В лучшую сторону? Хорошо бы так, но хлопотать за сына придется именно в этом качестве; погоны не сбросишь – ни с себя, ни с него; развода друг другу не дашь. И когда это кончится? Никогда. Тянет вечностью; но особого желания жить вечно (такой жизнью, как сейчас) отчего-то нет.

Хлопотать...

Словцо-то неплохое. Как хорошо хлопотать по дому, на даче; слегка тревожные, но ставшие привычными хлопоты перед новым назначением тоже порой приходятся по душе. Но вот это чуть суетливое слово деформируется и, меняя свойства, превращается в просьбу. Придется даже не ходатайствовать, а просить на самом высоком уровне прощения за слова

² Томительное состояние, вызванное сменой режима.

сына. Николай Мельников хорошо помнил, когда в середине интервью Игорь чуть придвинулся к видеокамере: «Вот интересный момент: «То, что не удалось Басаеву, оказалось по плечу начальнику Генштаба Квашнину. Который создает чеченские формирования. Хотите пример? Вы его знаете: чеченская спортивная рота СКА Московского военного округа. Чеченская боевая единица. Генерала на ... послать – легко, избить офицера – еще легче, обоссать памятник погибшим на Кавказе бойцам – их долг и удовольствие».

Хорошо сказал сынок. С упоминанием фамилии и должности генерала армии. И как тут не представить военную палатку, битком набитую заговорщиками. Они шепчутся, делятся соображениями, вынашивают планы, засранцы!

Но про «чеченскую боевую единицу» сказал верно. Сто пятьдесят человек, сосредоточенных в одном месте и в самом центре родины, в любой момент готовых взять в руки оружие. И таких подразделений по стране хватает. Если апеллировать, то... цитатами, взятыми из интервью. Что могут посчитать и поддержкой отпрыска-заговорщика. Переворачивай как хочешь.

Генерал Мельников улыбнулся – впервые за эти полчаса, пролетевшие, как одна минута. Не сводя с сына глаз, насмешливо и со знанием садовода-профессионала произнес:

– Посадив семя, я вырастил вид, а не культуру. А с другой стороны, где бы я взял привитой саженец?

Игорь отреагировал мгновенно, как и подобает спецназовцу:

– Женился бы на даме с ребенком, и все дела.

Генерал рассмеялся.

– Как мать, спрашиваешь? – Он пожал плечами. – Вроде ничего.

– А ты? Как работа?

– Не спрашивай. Увязли всем округом в охране железнодорожных составов с боевыми отравляющими веществами: зарин, зоман, иприт, люзит и прочая отравка. Везут и везут к нам на «Каустик-2» по Южно-Уральской «железке». Скоро загадят весь Приволжский округ. Кто-то на этом делает деньги и набирает политический вес, а кто-то однажды, не дай бог, задохнется.

– Интересно. Поподробнее не расскажешь?

– Я же сказал: не спрашивай. Я спрошу тебя. Хочешь послужить под Самарой? Все равно тебя уберут из подразделения. Лучше будет с моей помощью.

– Меня никто не заставит написать рапорт.

– Тебя переведут приказом.

2

1 апреля, месяц спустя

Та связующая нить, что мысленно удерживала Сашку Литвинова в войсковой части 1286-Р, а иначе Школа по подготовке снайперов Приволжско-Уральского военного округа (ПУрВО), оборвалась, когда пассажирский поезд «Орск – Москва», несильно грохнув сцепками вагонов, отошел от орского железнодорожного вокзала и, набирая скорость, с учатившимся пульсом перестука колес покатил в сторону таких же заснеженных краев, туда, где молодого бойца спецназа поджидали новые товарищи, командиры, впечатления, обстановка, наверное, иные отношения. В общем, много нового.

Сашка, хранивший в своей душе немало старого, по-своему дорогого, давшего ему тяжелым трудом, потом и кровью, грустно улыбнулся. Прихватив со столика пачку сигарет и зажигалку, он вышел в студёный тамбур, где ритм дороги ощущался острее, и закурил. Подышав на замороженное стекло, он всматривался одним глазом, как в оптику снайперской винтовки, в проносящиеся мимо дома и деревья, в путаницу проводов, провисших между покосившимися телеграфными столбами.

Ритм. Рванный. Непokoйный. Щемящий душу. На него ложатся строки из песни: «А стекло... на прицеле от влаги... опять... запотело... Снайпер, сняв... рукавицу, его... аккуратно протер...» Про него, про сержанта Сашку Литвинова песня.

Позади осталась какая-то станция, названия которой Литвинов прочесть не успел, а сосредоточил свой острый взгляд на полноватом мужичке с сигнальным флажком, вышедшем провожать поезд, – точь-в-точь командир войсковой части подполковник Николай Дичев, где прошли шесть месяцев службы: главное, в фуражке, коренастый, с широкими бровями, сросшимися на переносице. Ты, говорит, Сашка, самостоятельный парень, тебе провожатого не надо, один доедешь, тем паче без пересадок. Вроде как не боевой командир, прошедший Чечню и Дагестан, говорил с ним, а добрый деревенский дядька, провожающий племянника. У Литвинова не было клички, все просто звали его Сашкой, что на самом деле и стало его позывным. Наверное, потому, что характер у него был покладистый, улыбка – добжелательной. Так его называл и репортер центрального телеканала.

«О-о... – снова улыбнулся сержант, продолжая «подсматривать» за дорогой, – тема щекотливая, но, с одной стороны, приятная».

Сашка окончил школу (роту) снайперов, аналог солнечногорской, созданной по инициативе заместителя министра обороны генерала Топорова в 1999 году. После он два месяца проходил боевую стажировку в Чечне, куда повзводно школа направляет своих курсантов. Мечтал попасть после учебки в Асбест-5, в 12-ю отдельную бригаду спецназа. Или в Самару, где дислоцирована 3-я Гвардейская отдельная бригада СпН. Но – совершенству нет предела: из одной учебной роты, как из одного вуза в другой, Сашка «попал» под эксперимент Генштаба (первый – в результате военной реформы), целью которого было сформировать на базе учебного центра войск СпН Приволжско-Уральского военного округа отдельное экспериментальное подразделение спецназа, способное создавать на территории противника активно действующий фронт. Вот так – ни много, ни мало. Именно в учебный центр нес его сейчас пассажирский «Орск – Москва». Нес избранного – одного из целого выпуска роты, первого среди равных.

В школе снайперов Сашка сдружился с сержантами и офицерами, штатскими инструкторами – теми, кто раньше занимался спортивной стрельбой, биатлоном, даже охотой (командир части Дичев и начальник штаба Румянцев были ярыми охотниками). Проходили

службу в роте солдаты и сержанты срочники, а контрактников – ни одного. Сашка слышал, что часть одного выпуска школы – из контрактников – попала в криминальные структуры. Теперь сержант Александр Литвинов, несмотря на свои двадцать один год и шесть месяцев, профессионально делает свою работу, ориентированную на «фиксированную ликвидацию и действия в составе пары или пары пар».

Во время боевой стажировки Литвинова задействовали не в одной спецоперации, насыщенность боевых выходов группы спецназа, в которую входил Сашка, была высокой. Он работал по своему профилю – против снайперов, когда просто в качестве наблюдателя с последующей наводкой на противника огня артиллерии, а когда сам бил в цель из «СВД».

Репортер. Центральный телеканал. Щекотливая тема.

...Сашка сидел спиной к видеокамере и на вопросы репортера отвечал неохотно; а взгляд оператора, смотрящего через визир камеры, отчего-то жег затылок сержанта. И вообще он согласился на интервью под давлением коменданта Октябрьского района Грозного, где была расквартирована группа спецназа ГРУ. Корреспондент обещал изменить голос сержанта Литвинова, но по какой-то причине слова своего не сдержал. И мать с отцом, конечно же, узнали сына по голосу. Каково им было слышать, что Сашка за одну только ночь убил двух чеченских снайперов и навел огонь группы спецназа на их прикрытие в составе четырех боевиков.

Стране нужны герои – это понятно. Скрывает герой свое лицо – зрителя совсем захватывает: невидимый фронт, рашн командос, супер, класс; за один вечер шестерых, и тут же по совковой программе идет пересчет: а сколько в месяц, в год? Стране нужны герои. А семье? – рассуждал повзрослевший Сашка. Нужны родителям постоянные думы о том, что их сын убивал? Защищал ли он в это время Родину – не очень-то и важно. Скорее не Родину защищал, а ее интересы, и здесь Литвинов видел громадное различие. Сложная тема, и Сашка, углубляясь в нее, запутывался все больше и больше. И откровенно завидовал прямому, как мачтовая сосна, командиру разведгруппы спецназа ГРУ, ориентированного на поиск и уничтожение боевиков без суда и следствия, старшему сержанту Мельникову по кличке Миротворец. У Миротворца своя правда, устал он от беспредела – так и сказал: «Нужно, чтобы у людей что-то сдвинулось в их уродских мозгах. Нельзя так. Я здесь не то чтоб совсем свихнулся, но что-то важное в себе погубил. Человека убить, как два пальца... Ничего не чувствую».

Отрывисто говорил. И его слова тоже ложились на рваный ритм железной дороги. Далеко сейчас Миротворец, но его слова близко, артиллерийскими залпами бьют из-под колес. И с каждым залпом все ближе. Их судьбы невероятным образом пересекались: «уставшего от беспредела» Миротворца, открыто выступившего по ТВ, начальство решило «спрятать» под тот же эксперимент Генштаба и особо совестью не мучилось: Миротворец был способен создать на территории противника активно действующую группу диверсантов (не фронт, конечно), но что дальше?.. Он не свихнулся, но, по его словам, уже ничего не чувствовал. И отсчет пошел с того момента, когда завалил он первого своего «духа». А после буквально вырвался, как джинн из бутылки, не на свободу, а на волю.

«Какой он на самом деле?» – задавался Сашка вопросом. Старшего сержанта Мельникова он видел только по телевизору и то не поверил, что с экрана говорит именно этот парень. Ему показалось, *что кто-то озвучивал* Миротворца.

...Сашка открыл дверь тамбура и, выбросив окурки в беснующуюся между вагонами снежную кашу, вернулся в купе, где продолжился разговор с попутчиками.

Один из них – Сашкин ровесник – в армии не служил и наивно допытывался, как там, хоронят ли пресловутые окурки, процветает ли дедовщина. Действительно, наивный. Дедовщина сидит в тебе. Сильный избавится от нее, слабый – нет. Такова реальность, выживает

сильнейший. Есть ли в этом правда, ответ лежит во времени, в том, в котором мы живем, философски ответил Сашка.

Он не хотел показать себя умудренным опытом сержантом, спецназовцем, просто все то, что он видел и прошел в учебке, а позже во время боевой стажировки в Чечне, буквально выплескивалось наружу. Этот парень, не нюхавший пороха, не виделся Литвинову «косильщиком» от армии, по большому счету это его личное дело. В чем-то он, несомненно, выигрывал, предъявляя на медкомиссии липовые справки, в чем-то уступал тому же сержанту Литвинову. В чем? Хотя бы в том, что ничего не сдвинется, говоря словами Миротворца, в его «уродских мозгах».

У Сашки сдвинулось, факт, что сдвинулось, во всяком случае, он имел собственную точку зрения на то, что действительно происходит в Чечне, точнее, он соглашался с тем, что республику вернули к мирной жизни раньше, чем отвоевали... Он видел все это своими глазами, когда смотрящими открыто, а когда через оптику снайперской винтовки. Видел много того, что не укладывалось в голове. Как солдаты, которым не выдали индивидуальных жетонов, писали на бумаге свои имена и фамилии, адреса, закладывали эти жалкие и в то же время дорогие клочки бумаги в гильзы, сплющивали дульца и зашивали их в одежде на правом плече и левой ноге, держа в голове страшное слово «фрагменты». Никто не хочет остаться неопознанным трупом, никто не хочет покоиться под камнем с надписью «Неизвестный солдат».

Вот она, правда войны, правда пацанов, Сашкиных ровесников. Да и какие они пацаны, носящие кто на груди, а кто в одежде свои личные данные? Поймет это попутчик? Никогда. Пока сам не возьмет в руки гильзу, которая будет биться на груди, как борется с беспокойными волнами бутылка с запиской о помощи, брошенная в океан.

Бездна.

Россия.

Синонимы.

Сашкин попутчик ехал в Самару, Литвинов же не доедет до нее около ста пятидесяти километров. Он один. Без провожатого, как выразился комбат. Его точила, не могла не точить душу мысль повидаться с родителями. Жаль, что Коломна не на пути, жаль, что поезд не останавливается в родном городе – хотя бы на пять минут, которые могли пройти в коротком свидании с матерью. Только коротком. Перрон, гудки локомотивов, предостерегающие голоса проводниц и диктора вокзала: «Просьба пассажирам занять свои места...» Пять минут, так много и так мало. «На перроне. У вагона. Всего лишь пять минут».

– А ты махни в Коломну, – подогревал Сашку попутчик. – Один же едешь.

– У меня предписание... Патруль задержит.

– Слушай, а почему после командировки в Чечню тебя снова в школу снайперов отправили?

– Так положено после стажировки – курс заканчивал.

– Значит, в той части, куда ты едешь, ты никого не знаешь?

– Как и меня тоже, – невесело усмехнулся Сашка, занятый своими мыслями. Коломна.

Перрон. Свидание. Предписание. Патруль.

Чертов патруль! Им свою спину не покажешь и голосом, который слышала вся страна, свой дурацкий поступок не объяснишь.

Эх, вздохнул Сашка, смех да и только.

– Не грусти, парень, напишешь родичам, они приедут к тебе.

– Не получится, – покачал головой Литвинов. – Отец болеет, с постели не встает, мать всегда рядом с ним.

– Ну, позвонишь по телефону.

Сашка вспомнил, как дозвонился соседке из Чечни по спутниковому телефону – по сотовому оттуда не дозвонишься – и попросил ее позвать мать. Трубку рвали друг у друга из рук, связь периодически прерывалась. Желających поговорить с родными было море, а «спутник» забросили на «вертушке» буквально на несколько минут. «Мам, ты?.. Я это. Пару слов всего. Как у вас? У меня все нормально, папе привет». И все. Чьи-то жадные пальцы, побелев в одно мгновение, вцепились в трубку, голос боевого товарища стал чужим: «Светка?.. Привет, любимая! Куда, сука, лезешь?! Нет, Светик, не тебе...»

– Выпьешь?

– Не, – отказался Сашка. – Не буду.

– Сушняк, – настаивал попутчик. – «Ркацители». Десять градусов. Сок. Стаканчик не повредит.

Парень извлек из кармана нож необычной формы – с длинной костяной рукояткой, куда убиралось длинное же и узкое изогнутое лезвие, с шилом и штопором, которые складывались с другой стороны рукояти.

– Ого! – одобрил Литвинов, понимающий толк в хорошем оружии. Хотя оружием его можно было назвать с натягом: нож был складной.

– Фирма, – улыбнулся попутчик, ловко орудуя штопором и поблескивая золотой печаткой на безымянном пальце. – Франция, «Леджол» – к твоему сведению. Подарок.

– От подруги?

– Как угадал? – Парень, подмигнув сержанту, налил в два стакана. Два других попутчика – видимо, муж с женой, которые активного участия в разговоре не принимали, – от выпивки отказались и тактично вышли из купе (уже в очередной раз) и встали у окна, раздвинув шторы. Чем напомнили рекламу сока «Добрый».

– Таким и убить можно. – Литвинов подержал на ладони увесистый нож, целое произведение искусства. Да, такой подарок стоит недешево. Испанская наваха в миниатюре. В руках мастера он может вполне сойти даже за нож для метания.

– Можно и убить, – подтвердил парень. – Умеючи. Ну, давай за знакомство. Кстати, меня Игорем зовут. Кто знает, может, после нашей встречи я тоже надену военную форму. Если честно, я завидую тебе, парень. Честно. Железки, которые я толкаю в Кр-ском крае...

– Он махнул рукой. – Дерьмо это все. Там видно будет, явлюсь в военкомат по первой повестке. – Он снова подмигнул Сашке: – Тебе бы гражданскую одежду, брат, и слово «патруль» можно забыть надолго.

Литвинов хмыкнул, невольно оглядывая одежду попутчика: темная рубашка, джемпер с треугольным вырезом, на крючке висела кожаная утепленная куртка.

Нет, он ни за что не поддастся на уговоры, которые из уст Игоря Батерского походили на подковырки, смешанные с сочувствием. Хотя была, была у него возможность прокатиться до Московской области: в предписании, выданном сержанту Литвинову в штабе, перепутали числа, согласно им ему надлежало прибыть в учебный центр не завтра, а через три дня.

– И ты молчал?! – Батерский налил по второму стакану. – Поехали ко мне, отдохнешь как белый человек.

– Не, – Сашка снова замотал слегка захмелевшей головой.

– Слушай, брат, расскажи, как там, в Чечне? Мне интересно.

Да, покивал Литвинов, интересно. И только... только сейчас вдруг до него дошло, что и он поначалу испытывал любопытство. Не сказать, что ребяческое, но с верой в свое... бессмертие в Чечне. Уже потом, когда над головой просвистела первая вражеская пуля и он в ответ послал свою, интерес уступил место вниманию – в прямом смысле этого слова. Не сменил вовремя позицию, противник – такой же скрытый и коварный – тотчас накажет за это. Работа против снайпера – одна из самых тяжелых и опасных. Внимание! Кругозор сузился до размеров тарелки, горизонт словно отдалился, но в то же время центральная часть его, как в

воздушную трубу, воронкой ввинчивается в оптику прицела и дальше, в самую глубину пульсирующего зрачка. Со всех сторон неожиданно рождаются приглушенные звуки, перекрывающие друг друга, будто перешептываются привидения; шипящие восклицания перемешиваются с вопросительными интонациями, жалобы тонут в ответных упреках. Потусторонний мир словно оживает – оказывается, дверь в него открывается при помощи современного вооружения.

Но все это в напряженных мозгах, в воображении. Как только начинаешь понимать это, посторонние звуки исчезают; у кого-то навсегда, а кто-то изредка продолжает слышать их, порой заывает, испытывая ни с чем не сравнимое возбуждение, причастность к неизведанному. Порой близость этого порога для кого-то становится вечностью...

Сашка расположился в глубине комнаты полуразрушенного дома, направив ствол винтовки в сторону подслеповатого окна. Лежка выбрана грамотно – толковый снайпер никогда не встанет непосредственно у окна даже ночью. В составе группы спецназа он выполнял главную задачу: обнаружить позицию чеченского снайпера, который накануне дважды работал по 61-му блокпосту, результат его творчества – трое убитых: офицер и двое солдат срочной службы. С помощью станции ближней разведки засекли боевиков (скорее в обычном составе: снайпер, тройка автоматчиков, гранатометчик с помощником) при их отходе. А уходили они, так ловко обходя растяжки, словно передвигались солнечным днем, а не в кромешной темноте.

Командир группы спецназа лейтенант Петренко полностью доверял своему снайперу. Именно молодые давали сейчас сто очков вперед более старшим товарищам, поскольку они проходили курсы по новейшим программам боевой подготовки снайперов для различных войсковых подразделений.

Сержант Литвинов не стал вдаваться в подробности, почему именно в этом здании он выбрал позицию, наверное, он чувствовал противника-снайпера – плоть от плоти своей профессии, предугадывал его тактику, с большой точностью определяя его очередную точку. И лейтенант Петренко, видя в «хлопчике» профессионала, сказал лишь: «Добре».

Как-то Литвинов поймал себя на странной мысли: в оптическом прицеле «СВД» нет перекрестья, но все же оно незримо присутствовало в голове стрелка. Он видел на сетке прицела основной угольник для прицеливания, шкалу боковых поправок, дальномерную шкалу и тем не менее ставил крест на своем противнике.

Чеченский «шелкунчик» был одет в свободный, скорее всего грязновато-серый самодельный костюм, в «ночнике» же он виделся бутылочного цвета. «Чех» расположился на сваленном платяном шкафу, включил ночник на винтовке, обмотанной для маскировки тряпьем. Литвинов медлил с выстрелом – чеченский «кукушонок» уже его, по необъяснимой причине он хотел дать ему возможность увидеть себя и опередить его на мгновение. Он поймает этот момент, когда, выискивая цель, винтовка в руках снайпера успокоится и замрет.

Вот это мгновение. Сашка не держал палец на спусковом крючке, его подушечкой он касался предохранительной скобы, как бы не теряя связи с оружием, и во время выстрела он просто согнул палец, испытав привычное сопротивление спуска.

Он знал, куда попадет пуля – точно в стекло оптики, направленной на него, и это было отнюдь не ребячество. Сашка показывал противнику свое мастерство: он не дал ему выстрелить, а сам произвел два точных выстрела, выводя из строя оружие чеченского снайпера, а потом и его самого.

– Я тут же сменил позицию, – рассказывал Литвинов, – и как оказалось, не зря: из соседнего дома по моей точке отработал второй снайпер. – Он показал пальцами расстояние: – Прямо над головой пуля просвистела.

У сержанта хватило выдержки отметить, куда именно угодила пуля, скорее по звуку, эту отметину в стене Сашка потом внимательно рассмотрел. А до этого, определив угол, а

заодно и точку второго снайпера, навел на него спецназовцев лейтенанта Петренко, но снял его сам – первым же выстрелом уже из другого окна-бойницы. Тут же по огневой точке отработала вся группа спецназа, накрыв боевиков сосредоточенным огнем из гранатометов.

Литвинов мог бы и в отпуск поехать, и обещанную награду к груди прицепить, но по достоинству оценил как начальство, так и себя: его единственного из выпуска направили в экспериментальное подразделение спецназа.

Глава 2 ОКАЮЩИЙ И КАРТАВЫЙ

3

Самарская область

Бойцы самарского ОМОНа расположились в салоне белой «Газели» с затемненными стеклами. На лобовом стекле машины была приклеена бумажка с номером: 1-к, «курсирующий» по маршруту Железнодорожный вокзал – поселок «Мехзавод», и ценой за проезд в семь рублей. Лейтенант патрульно-постовой службы Озеров уже десять минут проверял документы у водителя микроавтобуса и частенько бросал взгляд в сторону Московского рынка, откуда должна была появиться ведомая оперативниками городского Управления внутренних дел машина – шестая модель «Жигулей» с госномером Е710НР63. Постовой уже начал нервничать: очень долго он делает вид, что проверяет документы у водителя «Газели», готового, как и его товарищи в салоне, к активным действиям. Очень активным, злился гаишник. Полоснут из штурмовых автоматов – и его дневная выручка пойдет в кассу бюро ритуальных услуг. И ему уже не придется забивать голову, с какой стороны прозвучит роковая очередь: и свои могут не промазать по нему, и чужие. Да, неплохая будет надпись на мраморе: «Вот это ты проверил документы! Теперь можешь спать спокойно, дорогой друг».

По легенде лейтенанту Озерову предстояло как бы невзначай оторвать взгляд от документов и рефлексивно взмахнуть жезлом «шестерке»: «К обочине». Этак лениво – «к обочине». Мол, денег уже полный карман, сейчас «машу» на контору. Потом неторопливой (ни в коем случае не деловой!) походкой направиться к «Жигулям». А перед этим отпустить водителя «Газели». Который резко затормозит напротив легковушки, а из салона с оглушительным матом выскочат омоновцы. Вот тут и жди самой большой неприятности. Это только в кино самурайскими мечами летящие пули отбивают, жезлом еще никто ни разу не пробовал.

– Они уже близко, – предупредил водитель-омовец, слыша через открытую дверцу включенную на приеме рацию.

– Думаешь, ты меня успокоил?

– Не психуй, брат, все будет путем. Задницу на кон можешь поставить.

– Чью задницу?

– Свою. Считай, твои плечи передернуло непроизвольно. Вот они. – Омоовец скосил глаза в сторону.

«Умер во мне артист», – черно сострил, суеверно прикусив язык, гаишник: держа в одной руке удостоверение омоновца и слегка поворачивая голову вдоль Московского шоссе, он другой рукой чуть приподнял жезл, отточенным кистевым движением указал им вбок и снова сосредоточился на созерцании документа. «Пять... десять секунд», – считал он. Пожалуй, хватит. Боковым зрением он видел вышедшее из «Жигулей» лицо кавказской национальности. И еще две кучерявых головы просматривались через заднее стекло.

– Можете ехать, – лейтенант козырнул омоновцу, одетому в потертую кожаную куртку, и пошел навстречу чеченцу. Шел и слушал за спиной скрежет шестеренок в коробке передач оперативной «Газели» и характерную для «газовских» моделей трескотню выхлопной трубы.

Сближавшийся с ним чеченец некогда входил в преступную группировку, которая контролировала авторынок на Алма-Атинской, что в 15-м микрорайоне Самары. Руководил ею чеченец по имени Саид, состав группировки разношерстный – выходцы из Северного Кавказа, русские. Стригли клиентов, как баранов, позже предприняли попытку легализовать преступный бизнес, имели серьезные проблемы с самарской братвой. Последние, приехав на «стрелку», положили на капот «чеченской» машины кучку искусственного говна, которое в те времена продавалось в каждом киоске. «Чехи» восприняли это как оскорбление, начали горячо возмущаться, самарцы ответили пистолетным огнем, уложив одного чеченца рядом с оскверненной машиной.

– Лейтенант патрульно-постовой службы Озеров, – невнятно прогнусавил гаишник, поднимая к головному убору руку с болтающимся на кистевом сгибе жезлом. Приняв от чеченца документы, лейтенант продолжил движение к «Жигулям».

«Место для подобного мероприятия было выбрано удачно», – в очередной раз и без воодушевления одобрил он. До автобусной остановки и светофора метров сто пятьдесят, до кольца еще дальше. Народу мало, в основном народ толпится по ту сторону дороги, где раскинулся Московский рынок, аквапарк и мебельный центр. Так называемый 16-й километр, по большому счету – пригород, за которым вставал серый лес многоэтажек Приволжского микрорайона с центральной «просекой» – Московским шоссе.

– Номера грязные, – мимоходом заметил лейтенант и вдруг поймал себя на мысли, что за время следования к «шестерке» абстрагировался от волнений, вызванных оперативными действиями коллег. Казалось, что он буквально удалялся от них, оставляя за спиной и неприятные чувства, и все материальное, что было с ними связано. Его «маленькое, но ответственное поручение» сливалось, становясь одним целым, с начавшейся работой выдержанных, как добрый коньяк, спецназовцев; едва «Газель» начала движение, бойцы скрыли лица под масками и, мигом изготовив автоматы, передернули затворы. Этакий коллективный разум.

Этот пост у гаишника был постоянный, без него дорога местным водителям казалась чужой. Так что его подмена на переодетого в форму оперативника или омоновца изначально не планировалась, дабы даже такой, казалось, мелочью не возбудить у местных же чеченцев подозрений. К операции готовились серьезно.

Лейтенант Озеров приостановил шаг, поравнявшись с машиной, мимоходом заглянув в салон и лениво проигнорировав кивок пассажира. Напряженного пассажира, заметил он.

– Номера грязные, – повторился он, успокаивая водителя и поворачивая к нему круглое лицо, на котором вдруг появилась хоть и бледноватая, но все же игриво-лукавая улыбка.

Чеченец давно все понял и держал дорогое и слегка потертое портмоне наготове.

Тормоза у «Газели» работали надежно, колеса встали, как тракторные гусеницы. Дверь отъехала в сторону, выпуская вооруженных омоновцев. Один из них – самый молодой, лет девятнадцати, и самый здоровый – имел кличку Картавый. Получил он ее, считай, по недоразумению. Когда он пришел «устраиваться» в ОМОН, командир спросил его фамилию. Тот ответил: «Суглобов». – «Сугробов? Ты что, картавый?» – «Нет, – обиделся Суглобов, – я горбатый». Так с легкой руки начальника местного ОМОНа и прилепилась к Олегу Суглобову кличка Картавый.

Суглобов с ходу припечатал чеченца к капоту «шестерки». Выворачивая тому руку, снес мощной подсечкой под колени.

Вообще захват произошёл быстро и на профессиональном уровне. Держа пассажиров под прицелами автоматов, омоновцы, едва ли не вырвав дверцы «Жигулей», выволокли чеченцев и положили мордами на холодную дорогу. Но в целом лопухнулись оперативники, не догадавшиеся, что вслед за шестой моделью «Жигулей» с чеченцами следует еще одна машина на подстраховке.

Бежевая «Нива», управляемая 26-летним Сулимом Цекаловым, не превышая скоростного режима, подъезжала к месту захвата. Точнее, к месту провала. Намного забегая вперед, Адлан Магомедов, сидевший на месте переднего пассажира, пытался поймать конец нити, рвануть ее на себя и узнать, откуда произошла утечка информации. Вот прямо сейчас, немедленно! Нетерпение и жажда сиюминутного мщения раздули и без того широкие ноздри молодого чеченца. Давить – своих и чужих, своих – в первую очередь. Его мало интересовала реакция Шамиля Басаева на эти события, чувство собственного достоинства желчью растекалось по внутренностям; одна утечка родила другую.

Адлан, которому в январе исполнилось 23 года, не был готов умереть ни за веру, ни за Шамиля Басаева, ни за сложивших свои головы родных братьев, – и вообще он не был тем человеком, которого вдохновляют чужие подвиги, а лишь свои, и его задача – жить, жить и сжигать русских собак, где бы они ни находились. Ему было пятнадцать лет, когда он впервые взял в руки остро отточенный нож и перерезал горло пленному российскому солдату. Было бы ему тридцать или сорок в то время, он, может быть, и вернулся бы потом к мирной жизни. Война не родила его, она его воспитала, вскормила кровоточащей грудью. Материнское молоко и кровь до сей поры бурлили в его венах, смешанные переделанным под эту жуткую смесь сердцем. Два разнородных вещества – бинарный вариант – при соединении взрывались в груди, ядом вскипали при каждом ударе сердца, работавшем в режиме сепаратора.

Сепараторный мир Адлана Магомедова, внутренний и внешний. Если бы он сдал анализ своей крови, лаборанты сошли бы с ума: по всем признакам эта кровь принадлежала зверю.

Одна утечка родила другую. Но не больше – об этом говорил звериный инстинкт чеченца: его людей взяли – вон они, в зоне хорошей видимости, лежат мордами вниз, с заломленными за спину руками, – а за Адланом и его группой нет даже слежки. Еще все можно поправить и не допустить дальнейшей утечки информации.

«Нива» не превышала скоростного режима, установленного на этом участке дороги, однако гаишник, своей толстобрюхой фигурой занявший едва ли не всю первую полосу, энергичными жестами погонял водителей: «Быстрее! Быстрее! Не фига глазеть!» – мелькал в его руке жезл. И все же большинство машин, наоборот, сбавляли ход, водители и пассажиры не могли оторвать глаз от сцены захвата, главными действующими лицами в которой были здоровенные спецназовцы, точнее, не лицами, а масками – шапочками с прорезью для глаз, раскатывающимися до самого горла, мечтой любого чеченского снайпера; сколько таких укутанных в «шерсть» голов, считай, подсвеченных однодольных мишеней, они продырявили...

Магомедов сжимал в абсолютно сухих ладонях пистолет-пулемет «ПП-90М1», который в тульском КПБ прозвали «нашим ответом «Бизону», со шнековым магазином на 64 патрона «парабеллум». Небольшая, удобная и незаменимая вещь в ближнем бою, 64-зубая пила «дружба». Народов. Чеченского и русского.

И в Самарской области они неплохо дружили. Земляк Адлана, директор «КАМАЗ Волга-Центра», что на 18-м километре, помогал боевикам деньгами, документами, самарской пропиской, техникой; бери любую машину – «КамАЗ», «Ниву», «Волгу». «Оку»? Бери «Оку».

«Быстрее! Быстрее! Не фига глазеть!»

Это на первый взгляд казалось, что силы не равны – что такое трое боевиков против полутора десятков омоновцев, экипированных в бронежилеты и вооруженных штурмовыми автоматами, – силы уравнивали фактор неожиданности и пятьдесят килограммов тротила в багажнике захваченной машины.

«Быстрее! Быстрее!» – продолжал мелькать жезл гаишника. Его взгляд лишь на мгновение задержался на смуглолицем пассажире «Нивы» и переметнулся на следующую за ней «десятку».

«Быстрее!»

Мероприятие затягивалось, с минуты на минуту в работу включатся взрывотехники, машину, начиненную тротилом, под конвоем отгонят на какой-нибудь военный полигон.

«Нива» с боевиками Адлана Магомедова отъехала от места захвата на пятьдесят метров. С одной стороны – пора начинать, с другой – рано, вернее, близко, мощная взрывная волна может накрыть на столь малом расстоянии.

Магомедов не готовился к такому повороту, но исключал его – тоже вряд ли, просто он всегда был готов к любым неожиданностям. Судьба не часто баловала его сюрпризами, в основном он сам преподносил подарки.

Шестьдесят метров.

Пора.

– Тормози, Сулим, – ровным голосом распорядился Адлан, взявшись за ручку дверцы.

Сидевшая до этой поры без движения девушка двумя точно рассчитанными движениями оказалась стоящей на коленях на заднем сиденье машины. На вид ей было двадцать четыре – двадцать пять, натуральная блондинка, латышка по имени Грета Брасас, классный снайпер, о чем говорил ряд зарубок на прикладе ее «буллпапа». Сейчас Грета, один из лучших боевиков Адлана Магомедова, готовилась к выстрелу из пехотной «мухи». Из одноразового гранатомета ей предстояло сделать один-единственный и точный выстрел. Передней частью «мухи» она выбила заднее стекло и быстро привела оружие к выстрелу.

Звон рассыпавшегося стекла совпал с первой автоматной очередью. Вторая прозвучала несколькими мгновениями позже, когда Сулим Цекалов, оставив свое место водителя, так же оперативно, как и командир, вылез из машины, поставив ее на ручной тормоз и не глуша двигатель, и принял положение для стрельбы с колена.

Мясорубка. Как под Ведено. Как в Шалях. Шнеки едва успевали перерабатывать патроны в огонь и свинец, вылетающие из коротких стволов. Оба чеченца для более точной стрельбы откинули плечевые упоры автоматов, складывающиеся наверх. Все внимание на группу спецназовцев, которые отреагировали на первые автоматные очереди резкими перемещениями в разные стороны, словно рассыпалось на части одно целое, но в ответ пока не прозвучало ни одного выстрела. И водители проезжающих мимо и навстречу машин в реакции не уступили милицейскому спецназу: разом взвизгнули десятки покрышек на подсыхшем Московском шоссе, давая автомобилям ускорение.

Московском...

Жаль, что оно находится не в столице – мог бы пожалеть Адлан, выполняющий приказы Шамиля Басаева, который распорядился «отойти» от вставшей на уши Москвы и совершать теракты в крупных городах России. Жертвы, они и в Йошкар-Оле жертвы.

Магомедов в каждое мгновение готов был услышать хлопок «мухи» и проследить за стремительным полетом гранаты, оставляющей за собой дымный след. Вот и ответный огонь, а Грета отчего-то медлит. Задача у нее непростая, но на то она и профессионал; знать бы, как все обернется... Магомедов прихватил бы с собой скорострельный гранатомет.

Своим наметанным глазом Грета Брасас видела то, что в пылу схватки не мог заметить Адлан. Безупречную реакцию и отвагу проявил один из омовцев, в одно мгновение протиснув свое большое тело в «шестерку», в которую целилась латышка. То был Олег Суглобов. Картавый действовал очень быстро, заводя двигатель и тут же – без пробуксовки, на высоком профессиональном уровне – трогая «Жигули» с места. И только сейчас Магомедов, громко выругавшись, увидел маневр Картавого: спецназовец пытался увести машину со взрывчаткой из-под обстрела. И поедет он только прямо, чтобы при развороте в бензобак

не попала автоматная очередь. А когда поравняется с «Нивой», у него уже будет порядочная скорость, чтобы избежать попадания пуль.

– Грамотная сука! – процедил сквозь зубы Адлан и сместил ствол автомата.

Он не понимал, как такой громила мог скрыться за панелью, при этом управляя автомобилем. «Шестерка» с ревом продолжала набирать обороты, а за рулем – никого. Словно она была огромной моделью и управлялась с пульта дистанционного управления.

Эта сцена буквально затмила собой и свист пуль над головой Магомедова, и их частые шлепки в кузов «Нивы», – Адлан держал оборотистые «Жигули» под прицелом, но палец на спусковом крючке никак не мог получить команды. Что, наверное, и спасло боевиков: машина стремительно сокращала дистанцию, а вместе с ней неотъемлемым грузом приближался мощный заряд. Ведал ли об этом спецназовец Картавый, управляя этой торпедой, сказать, кроме него, не мог никто. Смертник. Торпедоносец. Он один переломил ход скоротечного боя, направив оружие противника против него.

Чеченец похолодел в одно мгновение. Нет, этот безумный омовец не умчится вдаль, он резко затормозит напротив «Нивы», над которой, как весенние шмели, продолжали жужжать пули. И это шоссе может стать, как в «шепелявой» песне, шоссе длиною в жизнь.

– Не стреляй, Грета! – выкрикнул Адлан.

Но Грета не была дурой. Хотя выстрел произвела. Но не в «шестерку», а в лежащих на асфальте товарищей. Обладая каким-то панорамным зрением, она видела, как дернулся и моментально согнулся пополам Сулим Цекалов, раненный в грудь и живот. Не теряя времени, Грета, отбросив бесполезную трубу «мухи», выюном скользнула меж сидений и заняла место водителя. Быстрый взгляд в панорамное зеркало ничего не дал, смертоносные «Жигули» с Картавым за рулем в это время находились в мертвой зоне, почти поравнявшись с «Нивой». Магомедов, запрыгивая в машину, боялся одного: скрипа тормозов «шестерки». Что последует потом – яснее ясного: омовец, заблокировав «Ниву», откроет огонь, стреляя через заднее стекло машины и не опасаясь ответных очередей.

– Тварь!

Магомедов не хотел становиться смертником, особенно сейчас, когда на кону была всего лишь одна-единственная жертва – этот полоумный смельчак, да несколько десятков раненых. Чеченец плюхнулся на сиденье, успев отметить, что группа омовцев прекратила обстрел «Нивы». Во-первых, трескотня автоматов заметно спала после выстрела из «мухи», который наверняка зацепил кого-то из ментов, во-вторых, они опасались попасть в своего товарища, дошел ли до них его отчаянный маневр или нет.

В мастерстве Грета не уступала «зеленому» омовцу: когда Картавый, приподняв над панелью голову, вывернул руль вправо и утопил в пол педаль тормоза, отрезая путь «Ниве», девушка, включив заднюю передачу и так же выворачивая руль, резко подала назад и, выжав сцепление и включив сразу вторую передачу, проехала правыми колесами по неподвижному телу Сулима.

Полуобернувшись в кресле, Магомедов давал короткие очереди по «шестерке», целясь выше крыши. Противник отвечал тем же. Лишь когда «Нива» отъехала на полста метров, парень в камуфляже и маске снова показался в своей красе: проворно выбрался наружу и стремглав бросился к тротуару.

– Ублюдок! – коротко выругался Адлан, выпуская из автомата последние патроны и не надеясь, что они попадут в бензобак. – Интересно, как его фамилия...

Все произошло в считанные секунды, а Магомедову казалось, что бой исчислялся минутами.

Погоня ничего не дала – об этом Олег Суглобов узнает позже. А пока он присоединился к паре своих товарищей, стоящих над телами чеченцев. Все же выстрел из гранатомета и

несколько точных автоматных очередей сделали свое дело: те, кого омовцы так аккуратно взяли минутами раньше, больше не подавали признаков жизни.

4

4 апреля, пятница

Облако, вздымающееся по ходу машины, своей формой напоминало одинокую гору. Снизу сизоватое, будто намертво пристывшее к земле, а в самом верху его венчала безукоризненно белого цвета шапка. Даже не напрягая воображения, можно было рассмотреть на ней морщины ущелий и перевалов, хребтов и отрогов, уступов и террас. Все это показалось новоиспеченному курсанту с сержантскими лычками таким реальным, что он буквально за следующим поворотом ожидал резкого подъема по горному серпантину...

Наваждение...

А ведь эта воздушная громада, начавшая видоизменяться, так похожа на настоящую гору... Была похожа. Ибо белоснежная шапка словно смазалась, была раздавлена, как красивый и праздничный торт, чьей-то громадной рукой. Гора стала обычным облаком... стелющимся над равниной.

А как красивы настоящие облака, иногда обнимающие горные вершины, а иногда терзающие их клочковатой пеной, взбурленной где-то у подножия безумным ветром-брадобреем.

Красиво там, в горах, хотя и беспокойно. И даже в мирные времена, точнее, в перерывах между войнами – некогда затяжными, – горы заставляли относиться к себе трепетно. Они не прощали праздности, созерцания своей красотой. Пришел – живи и работай. Или умирай в горах – горы это позволяют. Но никогда не спекулируй на них.

Живи. Или умирай.

Выпускник школы снайперов бросил взгляд на ротного – не подслушал ли тот его мысли. Но нет, сидит молча, смотрит в бумаги, ворочает листы военного билета, сверяет предписание с железнодорожным билетом... и вот-вот задаст первый вопрос, на который его новому подопечному ответить будет, с одной стороны, сложно, с другой – легко. А вслед за этим первым и главным вопросом последует еще один, еще...

Сержанта Литвинова встречали на железнодорожном перегоне; выходя из вагона поезда «Орск – Москва», прибывшего на эту станцию в 7.55 местного времени, он увидел военный «УАЗ». В машине было двое. Один за рулем – скуластый, светлоусый, с длинными сильными руками, в солнцезащитных очках, лет двадцати трех на вид; он погнал машину сначала по прямой дороге, потом по извилистой, а затем и вовсе по ухабам.

Тем временем его товарищ, выглядевший ненамного старше – он представился капитаном Шаровым, – начал знакомиться с документами Литвинова. Покивав в ответ на какие-то свои мысли, документы он забрал и уже дружески улыбнулся курсанту:

– Ну, будем знакомы, Александр Литвинов. Я твой ротный. С непосредственными начальниками и инструкторами познакомишься в части.

И только сейчас Литвинов заметил, что оба его спутника при оружии – как в Чечне, пришло к нему сравнение: кроме пистолетов (по рукояткам в кобурах Сашка определил автоматические «стечкины», скорее табельные в этой части), десантные автоматы Калашникова.

Убрав документы, капитан продолжил в том духе, что, мол, ты, Сашка, теперь вливаешься в команду, которая осталась в учебном центре путем невероятных усилий – из ста курсантов, прошедших пятимесячные курсы, выдержало десять. Что для Литвинова не стало новостью: подобные отсеы существуют и в других элитных подразделениях. Но чтобы так много...

Словесную эстафету у капитана принял, как ни странно, водитель. Едва они проехали охраняемый шлагбаум и миновали неприступные железные створки ворот, за которыми выстроились в ряд казармы учебного центра, человек с тонкими усиками, покинув свое водительское место, вплотную шагнул к курсанту. Он был одет в бушлат и ботинки с высокими берцами, носил погоны старшего сержанта и занимал должность инструктора. Помимо всего прочего, он был латышом по фамилии Пиебалгс. Звали его чуть мягче – Рудгер, кличка соответствующая – Рудгер Хауэр. Такие же, как у американского киноактера, беспредельные глаза, короткие желтоватые волосы, крепкий подбородок, сломанные уши – видимо, частенько его возили вниз головой по борцовскому коврику.

– Теперь слушай меня отдельно, раз не довелось постоять вместе с разбитой командой на плацу, – жестко выговорил инструктор. – Мне плевать, кто ты и чего натворил – хорошего или доброго, в этой жизни или в той, в которой я намерен покопаться. Мне плевать, сколько «соплей» на твоих погонах, какую учебку ты закончил, из Москвы ты или из Междужопья. Если я тебе скажу нырять, ты будешь спрашивать «на какую глубину». На первых порах просто потому, что не нравишься ты мне, что попал в команду по щучьему велению. Совсем скоро я узнаю, посчастливилось ли тебе попасть в самое элитное подразделение, которое я только знаю, или же фортуна повернулась к тебе задницей.

Наверное, этот инструктор имел дар внушения. Он даже не повернул голову, когда рядом по стойке смирно вытянулся незнакомый курсант.

– Покажешь этому воину все, что ему понадобится на это утро, – бросил он подчиненному. – Потом поведешь его в столовую. Скажешь поварам, чтобы дали ему пожрать. Начнут кривить губы – стукнешь мне. А теперь оба бегом в роту! Чего хлебальник разинул? Исполнять!

– Злой какой-то, – на ходу бросил Литвинов новому товарищу. – Меня Сашкой зовут. А тебя?

– Михаилом, – отозвался раскосый курсант Рахманов по кличке Батый: коренастый, широкоплечий, с длинными сильными руками.

– Слушай, Михаил, мне позвонить надо. Матери. Откуда здесь можно позвонить?

– Вечером что-нибудь придумаем, – обнадежил Батый. – Посмотрим, кто заступит дежурным по части. Если повезет, из штаба позвонишь. Нет – в тренажерный класс пробежешь, там у нас компьютеры, даже факс есть. Если он подключен, то звякнешь.

Батый сдержал слово. Когда дежурный по части старший лейтенант Сулейманов пошел ужинать, он проводил Литвинова в штаб. Подмигнув знакомому сержанту, сидевшему в дежурке, кивнул на телефон: «Можно?» – «Валяй», – разрешил тот.

– Мне по междугородке, – на всякий случай предупредил Литвинов, сняв трубку.

– Блин, ну на хера ты мне это рассказываешь? Ты или звони, или топай отсюда.

Один длинный гудок, второй, третий...

Вряд ли сержант был тактичным человеком. Он скривился, видя, как новенький прижимает трубку к уху и заслоняет ее ладонью. Он вышел в коридор, где стоял Батый, оставив Литвинова один на один с телефонным аппаратом, наедине со своими переживаниями...

– ...Да, мам, со мной все в порядке, – продолжал он разговор. – Если кто-то будет спрашивать меня, ты меня не видела, поняла? Так надо... Да, скажи, что я не приезжал...

Нажав на клавишу, он набрал еще один номер. Перед глазами маячил образ его попутчика, не мог не маячить.

«Выпьешь?» – «Не, не буду». – «Десять градусов. Сок. Стаканчик не повредит».

– Привет, это я. Все получилось. Да, как мы и планировали. При случае позвоню. Все, отбой.

Они одновременно положили трубки: и курсант учебного центра, и самарский абонент.

Глава 3 ШТУРМ УТЕРЯННЫХ ПОЗИЦИЙ

5

8 апреля, вторник

Игорь Мельников проснулся в начале четвертого утра. Провел языком по пересохшим и слегка припухшим губам, мотнул коротко стриженной головой, ощутив в затылке тупую похмельную боль. Она родила очередное раскаяние, которое имело привычку исчезать вместе с похмельем: «С бухаловом надо завязывать». Он с громким выдохом потянулся, далеко вытягивая за головой мускулистые руки и выгибая сильную спину. Молодая симпатичная брюнетка, лежащая рядом, даже не пошевелилась, спала как убитая и наверняка проснется с такой же бодягой в голове.

Миротворец сел в кровати, натужно зевнул, почистил глаза пальцами, сжал в ладонях щеки и опустил руки, соединив их на груди, как при молитве. Из колонок дешевой магнитолы продолжал звучать в режиме повтора дудук Дивана Гаспаряна. «Реально, хитовый расколбас для разогрева телки», – рассудил Игорь. Дальше, конечно, ни она, ни он в такт не попадали – слишком медленно и нудно выводил звуки армянский музыкант.

Он глянул на подругу, с которой познакомился накануне вечером. Ее обнаженные плечи и часть груди, не скрытая под одеялом, смотрелись весьма сексуально, но очередного желания у партнера не вызвали. Все вроде бы при ней, но вот чего-то явно не хватало. Может, в одежде, то есть в нижнем белье? Может быть. Например, топ бандо из эластика, который бы удачно поддерживал ее высокую грудь. Впрочем, грудь у этой деревенской подруги не высокая, а просто большая. Это у городских высокая. Интересно, продолжал рассуждать Миротворец, подошел бы ей купальник, выдержанный в тонах южного моря, – алый, желтый или изумрудный?

Вот прическа у нее – класс. Словно она всю ночь неистово работала феном.

Как там сказал отец: томительное состояние, вызванное сменой режима? Точно, лучше не скажешь. «Доставшая», словами отца, война отпустила, мысли из горного ущелья Чечни скакнули в учебный центр спецназа и готовятся к новому прыжку – на родину. «Ты начнешь штурмовать утерянные позиции уже более сильным и с прежним опытом распутной жизни». И как он угадал? – дивился Игорь.

Он перешагнул через пустую бутылку и чайные бокалы, стоящие на полу, прошел на кухню, налил в стакан явно паленого «Алазани», купленного в местном киоске, и медленно, морщась, как от водки, выпил.

Брр!..

Гадость.

Такую же бурдомагу ему однажды впарили в Хатуни, когда его разведрасчет перебрашивали из Ведено. Отвратительное пойло с солоноватым привкусом, словно на виноградники в Кахетинском районе Грузии помочилось бандформирование Руслана Гелаева.

Гадость гадостью, а другого тогда ничего не было. Как и сейчас. Надевая униформу, Мельников решил, что допьет остатки на подходе к части. Выбросит бутылку в снег, перемахнет через забор и на предупредительный выкрик часового (ежели, конечно, он не знаком с ночными моциями старшего сержанта) «Стой, кто идет!» привычно ответит: «Это

Фрол Курганов возвращается из самовольной отлучки». Часовой опустит автомат и даже не посмотрит на Миротворца, который не знал, что такое ворота на КПП.

Игорь даже не помнил, как зовут подругу, из дома которой он выходил, на ходу застегивая бушлат. Плохо она вчера протопила печку, заметил он, к утру в избе начался колотун. Зябко поводя плечами и не обращая внимания на беснующегося на цепи громадного рыжевато-го кобеля, сержант потренировался на заборе безымянной подруги: оттолкнувшись и едва касаясь его рукой, он перебросил свое крепкое тело на противоположную сторону. Не сдержавшись от шалой мысли, пришедшей в его хмельную голову, Мельников подогнул ноги, перекатился через себя и стал на одно колено, держа бутылку за горлышко, как если бы сжимал в руках рукоятку «калашникова». «Пиф-паф!» – дурашливо выкрикнул разыгравшийся спецназовец и «опустошил магазин», в несколько мощных глотков допив содержимое бутылки. Тут же, с колена, забросил ее через забор, намереваясь на слух попасть в злобную псину. Собака во дворе взвизгнула и на некоторое время умолкла. «Шиза номер пять», – подвел итог своим действиям Мельников и бодрым шагом направился в расположение части.

По пути просветлевшие мозги вспомнили, как зовут подругу: Лизой. Неплохое имя для городской девчонки, а для деревенской... «Лиза, ты откуда родом?» – «Куропатовские мы».

Дяревня.

А еще прикольнее, когда Лизавета-«дяревня» выдает себя за городскую. «Ты кто?» – «Я – Лиза Городская. По-онятна-а?» Конечно, понятно, хрен ли там не понять.

А вот и забор войсковой части, высокий, зараза, как на «тропе разведчика», с колючкой по гребню, изоляторами с проводами под напряжением. В шести метрах от забора росла здоровенная сосна с обломанными нижними ветками (это Миротворец потрудился), рядом, скрытый в снегу, лежал шест, или дрын, говоря все тем же деревенским языком, уже пятый по счету – кто-то очень сердобольный постоянно убирал их за старшим сержантом. Конечно, шест не такой пружинистый, как у Сергея Бубки, с таким мировой рекорд не поставишь, через высокий забор не перемахнешь. Как бы не поставишь и как бы не перемахнешь. Белорус Бубка при виде этого забора и места приземления за ним отказался бы взять в руки толстенный дрын, который русский витязь Мельников доставал из снега и который можно было обхватить лишь двумя мощными руками; по сравнению со старшим сержантом неоднократно чемпион мира и Олимпийских игр был просто сопляком.

Прежде чем штурмовать не однажды покоренную высоту, спецназовец привлек внимание часового, прохаживающегося по другую сторону преграды, свистом:

«Наша служба и опасна, и трудна».

«И на первый взгляд, как будто, не видна», – отозвался часовой.

Обмен пароллями состоялся, путь открыт.

Игорь приставил еловый дрын к дереву и, придерживая его, чтобы тот не свалился, полез на сосну. По пути припомнил анекдот про зайца-лесника, к которому под Новый год приперся волк и начал клянчить елку. «Ель не дам!» – запротестовал заяц-лесник в форме твердого и эмоционального отказа. «Дай хоть сосну!» – «Сосни. Но елку все равно не получишь».

Мельников залез на высоту почти семи метров – на полметра больше было в шесте. Ухватившись за него покрепче, он оттолкнулся и, буквально оседлав шест, понесся на нем прямо на гребень забора. Когда столкновение казалось неизбежным, спецназовец резко выбросил ноги вперед и, прогибаясь над «колючкой» и снова отталкиваясь от шеста, оказался в части. Он упал на ее территорию с высоты четырех метров, с ускорением, красиво сгруппировавшись и так же неповторимо грациозно оказавшись на ногах.

Часовой только покачал головой, он во второй раз смотрел акробатический номер старшего сержанта, и ему хотелось вызвать того на бис.

Командир роты капитан Андрей Шаров остановился возле койки Мельникова и, положив руки на спинку, насмешливо спросил:

– Живой?.. – Покачав головой, затянул старую песню: – У тебя папа такой хороший, про паровоз поет...

– Начал, начал!.. – завозился под одеялом Миротворец. – К утру на шутки пробило? Дай поспать!

– Валяй, – равнодушно отозвался капитан. – Спать тебе час остался.

– Полтора, – не глядя на часы, подкорректировал командира Мельников. – Я всегда... появляюсь... за полтора часа... до подъема. Выброси свои «котлы», капитан.

– Час, Игорь, час. В половине шестого жду тебя в своем кабинете. Расклад такой: досыпать будешь в землянке. Жить будешь плохо – но не долго.

– Не понял. – Старший сержант приподнялся на локтях и прищурил на ротного припухшие веки. – С какого это?..

– С такого... – Капитан и сержант были почти ровесниками, их не связывала тесная дружба, тем более интересы: сейчас у Миротворца, «спустившегося с гор», основной интерес – портить местных девок, при случае бить морды их парням.

Парень дослуживает, размышлял капитан Шаров. Уволится он в числе первых – в этом сомневаться не приходилось, и ротный махнул на него рукой, все же отдавая ему должное: двенадцать месяцев сплошных спецопераций в Чечне стоили гораздо дороже двух-трех месяцев «расслабухи».

И от командира части полковника Кондратова ротный получил отмашку: мол, не трогай генеральского отпрыска. Что переводилось немного иначе: «Не связывайся, иначе говна потом объешься».

Как ни странно, ни своим разнузданным характером, ни поведением Миротворец не влиял на курсантов. Про него в курсантских кругах просто гуляли легенды, словно Мельников сам ходил в заместителях основателя ВДВ «дяди Васи» Маргелова и... героически почил. Не погиб, а именно почил. Спокойно так, не мучаясь.

– С такого, – повторил капитан. – Сегодня ты вместе с группой товарищей, – с выражением выговорил Шаров, – идешь готовить учебные базы. Намечается простенькое мероприятие с двумя неизвестными: есть группа условного противника и есть группа, которая жаждет обезвредить ее. Лес, свежий воздух, быстрый ручей, автоматы Калашникова, ножи выживания. Что еще нужно для счастья?

– А товарищи без меня не могут подготовить учебные базы?

– Без тебя – нет. Они, секс-символ ты наш, не могут без тебя. Вот в землянке ты им и расскажешь, кто тебе драил шпindelь этой ночью.

– Слушай, товарищ капитан, я, в натуре, не выспался. И вообще, если говорить прямо, я бы выбрал для себя работу попроще. Пошли кого-нибудь другого – Ротвейлера или Упыря, ну?

– Вышеназванные тобой товарищи включены в состав группы условного противника, потому не могут сами для себя готовить и обустраивать базы, им еще нужно будет их найти. Тот же Упырь забыл, когда последний раз был там.

– Когда они уходят? – быстро спросил Мельников, находя выход.

– Завтра.

– Я с ними, понял? Включай и меня в список. А сегодня дай мне поспать.

– Все?

– Все.

Мельников демонстративно укрылся с головой и фальшиво захрапел. Что делать, ради нескольких часов сна он жертвовал несколькими сутками, которые ему предстояло провести

в полевых условиях. Воистину – час сегодня равен двум часам завтра, как сказал кто-то из великих.

– Тебе не в спецназ, в санбат надо было идти, – насмешливо заметил капитан.

– Почему? – раздался приглушенный голос из-под одеяла.

– Эмблема у медиков как раз для тебя: хитрый, как змей, и выпить не дурак.

Капитану Шарову в это утро не спалось, до подъема оставалось достаточно времени, и Андрей решил скоротать его в закрытом тире, расположенном в полуподвальном помещении вещевого склада. Из сейфа ротный прихватил трофейный «М1911» – зависть многих офицеров и сержантов учебки, особенно – прапорщика Седова и Миротворца. Во время одной из последних зачисток он положил «духа», а у того оказался реликтовый пистолет. Уникальный в своем роде, знаменитый «М1911» «Government», изобретенный Джоном Браунингом и изготовленный фирмой «Colt» в начале прошлого века. По виду он напоминал «ТТ», а в надежности и простоте в работе не уступал современным образцам пистолетов, даже по некоторым параметрам превосходил их. До сих пор пистолеты «М1911» применяются практически на всех соревнованиях по боевой стрельбе. Под номером патента и датой изготовления (19 августа 1913 года) шла надпись на русском языке: «Англ. заказ». Шаров интересовался этой надписью: оказывается, небольшая партия «М1911» была приобретена в Англии частным торговцем. В российских магазинах это оружие продавалось свободно офицерам, остальным – по записке околоточного надзирателя.

Встав у огневого рубежа – до мишени 25 метров, – Андрей взял пистолет в правую руку, ощутив его привычную тяжесть, в какой-то степени благородную («Может, оттого, что в начале прошлого века его держал российский офицер?» – как-то задался вопросом Шаров), которая «придавливала» руку, не давала ей дрожать, не утомляла и не ухудшала стрельбу.

В руке пистолет лежал удобно. Он имел несколько тонкостей, например, в самом «критическом» месте хватки – это сгиб между большим и указательным пальцами – плотное соединение руки с оружием обеспечивалось деталью, которая ко всему прочему оберегала руку от работающего затвора и служила автоматическим предохранителем. Хорошо изучив этот пистолет, Андрей знал: стоит хоть немного ослабить хватку, и подпружиненная деталь тут же заблокирует ударно-спусковой механизм.

Большой палец лег на спичу курка, взводившегося туго, но плавно; он со щелчком встал на боевой взвод. И еще одна тонкость: в этом пистолете использовался ударно-спусковой механизм типа SA (одинарного действия), а это означало, что для первого выстрела надо взвести курок вручную (если патрон уже находится в стволе) или передернуть затвор, который сам и взведет курок. При обратном же движении он досылает патрон в патронник. А при последующих выстрелах все произойдет автоматически. Был бы «М1911» табельным оружием, капитан для увеличения боеготовности носил бы его со взведенным курком и поставленным на предохранитель. На этот случай есть даже особый термин для обозначения такой манеры использования этого оружия: «позиция номер один», или «cocked & locked» (взведено и поставлено на предохранитель). Конечно, при этом снижается срок службы боевой пружины, однако в некоторых случаях это может быть оправданно.

Прицелившись, Андрей нажал на спусковой крючок и в очередной раз отметил самый большой недостаток этого оружия – «сухой» спуск с коротким ходом спускового крючка без предупредительного (более легкого) хода. Профессионалы называют это «обычной загроуленностью армейского пистолета».

Стреляя, капитан словно разговаривал со своим оружием, машинально отмечал тугой затвор, сильную, однако хорошо направленную отдачу, которая тугой волной буквально накатывает на руку, давит на плечо, но гасится весом стрелка. Пистолет «забрасывает» вверх влево, но опять же не так сильно, и при невысоком темпе стрельбы отдача не ухудшает результатов.

Второй выстрел... Третий... Четвертый... Стреляные гильзы сорок пятого калибра летели по непривычной траектории – навверх-направо-назад – и шлепались за спиной. Внутреннего размера пробойны в мишени были видны прямо с огневого рубежа.

Ни капитан Шаров, ни кто-либо другой не мог предположить, что этот уникальный пистолет попадет в чужие руки и сыграет свою роль в кровавой драме.

Глава 4 РЕЛЬЕФНО-ТОЧЕЧНЫЙ ШРИФТ

6

9 апреля, среда

Сержант Литвинов, бывая в штабе, всегда останавливался у стенда, в прошлом – Доски почета, и читал то, что давно знал наизусть. Идея привести выдержку из книги Эммануила Казакевича «Звезда» принадлежала начальнику штаба подполковнику Евгению Ковалю.

«Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки – у щиколоток, на животе, под подбородком и на затылке, разведчик отрешается от обычной житейской суеты, от великого и от малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям...»

Слова завораживали, вызвали чувство гордости и причастности к загадочной и трудной профессии разведчика.

«Он отказывается от своего прошлого и будущего, храня все это только в сердце своем».

Литвинов видел в них больше: молитву, обращенную не к всемогущему богу, а направленную внутрь себя, в самую глубину души, сердца, которое невольно переходило на иной ритм, будто бы сопровождаемый грохотом катящихся по склону камней.

«Он не имеет имени, как лесная птица... Он срастается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств – духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу».

Энергия хлестала через край и питала дополнительные силы, рожденные вторым дыханием. Ни капли мимо, все внутреннее топливо рационально сгорало, словно в форсажных камерах.

«Так начинается древняя игра, в которой действующих лиц только двое, человек и смерть».

Да, бескомпромиссная борьба не с противником, а со смертью, с самим собой, со своими слабостями; недочеты съедают бесшумные шаги, несовершенство уступает место проявляющейся на глазах безупречности, которая становится частью духа: «опасного, подстерегающего...»

Литвинов едва ли не физически переживал свое превосходство над товарищами, особенно когда перед глазами всплывали эти завораживающие строки. Они подпитывали еще и ту значительную часть мозга, перевешивающую остальное. У него был дар; как наяву он в очередной раз видел перед собой одну и ту же картину, он «дырявил» ее вооруженными оптикой глазами, как истинный художник, как мастер своего дела, глядя в оптический прицел на некотором удалении, не любуясь очередным кровавым мазком, а предвкушая его: еще несколько нетерпеливых мгновений, и пуля со стальным сердечником вонзится «в горячее сердце, как ветер в костер»...

– Читаем? – раздался позади чей-то голос.

Литвинов обернулся. В шаге от него стояли двое. С одним из них он бы и просто поболтал, и поговорил на профессиональную тему. То касалось старшего прапорщика Всеволода Седова по кличке Упырь, тоже классного стрелка. Упырь мог дать любому в части несколько

очков вперед по стрельбе из пистолета, не говоря уже о снайперском оружии. На вооружении учебного центра было много стрелкового оружия, в частности, несколько образцов сравнительно новых пистолетов. Это и «варяг» «МР-445», сделанный на основе ижевского «грача», с рамкой из полимера и под патрон «смит-и-вессон». «Багира» с ударно-спусковым механизмом двойного действия. Автоматический «ГШ-8» с магазином на 18 патронов. И даже миниатюрные «скифы». Однако любимым, что ли, оружием для Упыря стала снайперская винтовка «ОЦ-48», сделанная на основе знаменитой русской трехлинейки. Действительно, классное оружие.

Вторым человеком, который и задал вопрос Литвинову, был старший сержант Пиебалгс. Широкоплечий, в черной шапке с кокардой и камуфлированном бушлате, он смахивал на морского пехотинца. А если сравнивать до конца, то на прибалтийского морпеха. Выражение «не наш человек» точно накладывалось и на облик латыша, и на его ленивую, слегка заторможенную манеру вести разговор. Все в нем выглядело контрастом, даже коротенькие желтоватые бачки, выглядывающие из-под иссиня-черного головного убора, и безукоризненная синева глаз. По крайней мере три разных человека сидело в старшем сержанте. Но какой он на самом деле и что скопировал с других – не ясно.

– Читаем?

Литвинов на всякий случай решил ответить по форме. Пиебалгс мог докопаться до фонарного столба. Ему все равно, кто и где обкатывался – в Чечне или Дагестане: попал под определение «курсант» – получи соответствующее отношение.

– Так точно, товарищ старший сержант.

– Не слышу бодрости в голосе. В следующий раз... – Рудгер осекся, снова пристально взглядевшись в Литвинова. Шагнув к нему вплотную, он тихо сказал: – Не нравишься ты мне.

«Форма» сползала с Литвинова вылинявшей змеиной кожей – медленно, обнажая новый покров. Лицо сержанта стало розовым, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели. Он еле удержался от того, чтобы показать этому латышу все, на что был способен. Затылком чувствовал, как видоизменяются начертанные на стенде слова и перерождается их смысл: «Он соглашается со своим прошлым и будущим, выплескивая все это из сердца своего». И лишь одно осталось неизменным: *«Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям...»*

Литвинов неимоверным усилием воли сумел взять себя в руки и ответить старшему сержанту бледной улыбкой:

– Я нравлюсь своей девушке. Мне этого хватает.

Удивительно пропорциональным было лицо Рудгера, его можно было поделить на две части и не найти отличий. Глубокие складки вокруг тонких губ ровные, словно он никогда не ухмылялся; брови находились на одной линии, что, наверное, свидетельствовало о том, что они ни разу не выразили удивления, а служили лишь для того, для чего и были предназначены природой: не давали поту попадать в глаза.

На такое лицо приятно смотреть разве что в оптический прицел: когда воображаемые линии на нем сольются с перекрестьем – все, можно смело жать на спусковой крючок, не промахнешься.

«Не нравишься...»

Сержант снова вспомнил предостережения капитана Шарова об отношении к нему, Литвинову, как к человеку, который, не пройдя жесткий отбор, все же оказался в элите элит, как окрестили новое подразделение курсанты. Но разве он не показал на индивидуальных тестах свое мастерство, выносливость, выдержку? В группе он был бы лучшим, и ему не грозил отсев. О чем, собственно, ему и сказал ротный, удивленный подготовкой Литвинова.

– Пройдемся, Сашка? – предложил Упырь, когда Пиебалгс вышел из штаба.

Старший прапорщик и сержант неторопливой походкой направились к военному городку – всего пара блочных пятиэтажек, в одной из которых с семьей проживал Сева Седов. Его соседом по площадке был Колун – Вадим Рычкалин, обладающий сокрушительным ударом; Колун мог разбить пачку противокислотных плит из десяти штук, каждая – в полкирпича толщиной.

Упырь был наблюдательным парнем, от него не ускользнула внутренняя борьба сержанта, и он мысленно одобрил его поведение. Не мог понять одного: по какой причине Рудгер Хауэр взъелся на этого боевого пацана. Спросил его и получил от латыша короткий и хлесткий ответ: «Отвали!» Вряд ли причина в дерзком ответе Литвинова, едва он переступил порог роты и выслушал «претензии» старшего сержанта: «Чего ты допиебался до меня?»

– Ты ничего не слышал о предстоящих учениях? – спросил Седов Литвинова.

– Нет, – покачал головой сержант.

– Меня назначили командиром группы условного противника, на техническом языке – экспертная группа спецназа, в которую входят инструкторы центра. Задача моей РДГ – диверсия на Южно-Уральской железной дороге: подрыв состава с военной техникой и уничтожение боевого сопровождения. Тебя, скорее всего, поставят во главе противодиверсионной группы. Думаю, твоя задача ясна.

Седов, принимавший участие в планировании учебной задачи, легко представил ситуацию, когда группа «противодиверсантов» попадет в руки экспертной группы спецназа (а попадет она стопроцентно): «опеку» над Литвиновым (боевым парнишкой, повторился в мыслях Упырь) возьмет на себя Пиебалгс. И это казалось старшему прапорщику, умеющему разбираться в людях, ценящему в солдатах боевые и профессиональные качества, несправедливым. Точнее, не совсем правильным. Неизвестно, чем руководствовался Седов, назначенный командиром ЭГ, – скорее всего симпатиями к младшему товарищу, его мастерству и трепетному отношению к оружию, – когда предложил Литвинову зайти к нему в гости.

Жена Упыря работала в парикмахерской и находилась на своем рабочем месте. Так что их беседе, которая началась с чашки горячего чая, никто не мешал. Всеволод положил перед собой чистый лист бумаги, взял карандаш. Глянув на подчиненного и спрятав за густыми бровями и склоненной головой усмешку, он размашисто начеркал на бумаге несколько штрихов.

– Вот смотри, Сашка. Это место нашей выброски – забрасывают нас завтра. Твою группу доставят в район 14 апреля. В этот же день получишь подробную карту местности и сможешь наложить на нее мои наброски – а пока это рельефно-точечный шрифт для слепых, – черно сострил Упырь. – Не думаю, что планировщики изменят решение, – продолжил он, – хотя как знать. Смотри, здесь путь, которым мы пойдем к основной базе. Тут сама база. Вот здесь и здесь планируется выставить секреты. Удобнее всего подходить к базе с запада, фактически по дороге, если таковой считать распашную полосу и грунтовку. Теперь дальше. В ста метрах к юго-западу от базы – место тайника с письменным указанием о дальнейших действиях группы. Но это тебе совсем ни к чему.

Литвинов лишь раз взглянул на прапорщика, «выдававшего военную тайну», все свое внимание он сосредоточил на листе бумаги, по которому сновал карандаш и оставлял на нем отметки: полосы-дороги, квадратики-базы, прямоугольники-лесопосадки, овалы-рощи, крестики-дозоры, цифры-расстояния, цифры-даты, цифры-высоты...

И все же, зная, в чью пользу закончится противостояние между экспертной группой и подразделением сержанта Литвинова, Седов пожелал последнему удачи:

– Постарайся сделать так, чтобы на борт «вертушки» ты взошел на своих двоих.

– Нас будут забирать вертолетом?

– Обе группы, – кивком подтвердил прапорщик. – А что, неплохой приз для твоей команды и тебя лично: собственным голосом доложить в штаб об успешном завершении

операции и вызвать борт в заданный район. Короче, я даю тебе возможность искать ключи там, где потерял, а не там, где светло, понял?

Да, кивнул сержант, глядя на прапорщика благодарными глазами.

Упырь глянул на часы и предложил Литвинову прогуляться до тренажерного зала.

Учебные классы в центре подготовки спецназа были оборудованы по высшему разряду. Компьютеры, тренажеры, новейшие программы к ним. Тренажеры с большой точностью имитировали работу, например, на БТРе, БМП, даже нагрузка на руль, рычаги и педали была достаточно реальной; о панорамах (ландшафтах местности) разговор особый, загружаемых «карт» было несколько десятков.

Иные тренажерные комплексы (ЦНИИТочмаш, «ЦЕЛЬ-12»), примечательны тем, что полностью имитируют стрельбу боевыми патронами: одиночные выстрелы и очереди сопровождаются реальной отдачей и подбросом оружия вверх. А на мониторе тут же отображаются отметки выстрелов. Все просто, запускаешь под Windows-98 программу – к примеру, простенький «электронный тир-тренажер» – и берешь в руки оружие.

Сержант Литвинов на второй или третий день своего пребывания в учебном центре и на электронном стенде зарекомендовал себя искусным стрелком. Было видно, что он не раз и не два пользовался тренажерными комплексами. Не совладал лишь с «узкопрофильным» «ОЭТ-МА»; сделанный на базе пистолета Макарова, он нес все функции управления этим оружием: усилия нажатия спускового крючка и взведения курка полностью соответствовали боевому «ПМ». После первого же выстрела справа от мишени на мониторе высветилась правка: «Прицел сбит влево и вниз. Давите целик вправо и опускайте мушку». Обидно, конечно, получать указания от бездушной машины. Капитан Шаров – спец по стрельбе именно из пистолетов – и в тот раз показал безукоризненный результат, красиво держа в руке лазерное стреляющее устройство. И даже пошутил, похлопав Литвинова по плечу:

– Вот так, Сашка: безопасно, бесшумно и экологически чисто.

А позади сержанта раздался слегка насмешливый голос:

– Экологически чисто?

Литвинов боялся повернуться, дабы снова не встретиться с колючими глазами Миротворца. Мельникова нередко опасались свои, откровенно боялись и желали его смерти «духи». У Литвинова с кем-то из сослуживцев состоялся разговор на тему: почему Миротворца ни разу не ранили, хотя засад на него было предостаточно. Ловили, но не поймали. Собеседник Литвинова отшутился: «Потому что не ловили, а просто давали обещания». Ведь и чеченцам нельзя было молчать, видя, что творил при зачистках Миротворец. Нагнал страху, одним словом. А вот от него мало кто уходил живым. И раненым.

– Экологически чисто? – переспросил Миротворец, покивав. – Это ты правильно заметил, товарищ капитан: чисто, бесшумно, безопасно. Для меня это как газы спускать через подгузник.

Мельникову даже капитан Шаров не возразил: «Тогда чего ты, такой умный, сидишь за компьютером, а не долбишь по клавишам пишущей машинки или старого шифровального прибора? Отчего ты в горах пользовался рацией, а не орал и не махал, как ветряная мельница, руками, подавая знаки товарищам? Нагоняешь, совершенствуешься? Вот и нагоняй, и совершенствуйся. А стосковался по горам, канонаде, зачисткам и крови – пиши рапорт и вали ко всем чертям».

Может, Литвинову показалось, что ротный еле слышно произнес: «Обуза».

Курсанты учились пользоваться Интернетом, электронной почтой, работой со сканерными планшетами, факсами и прочим оборудованием. Причем если есть желание, жертвуй свободным временем, приходи в любой из тренажерных классов и совершенствуйся. Только не забывай оставлять запись в тетради посещений.

...Слегка заскорузлые пальцы не совсем уверенно, словно тренируясь, набрали на факсе марки «LG» номер, нажали еще одну кнопку, и корейский аппарат покорно взял губами-валиками вначале один стандартный лист... потом другой... третий. Через считанные мгновения на факсе получателя (Самарский «КАМАЗ Волга-Центр») зажглась лампочка, и ролик термобумаги начал медленно вращаться.

А в учебном центре «многостаночник» «LG», наоборот, успокоился. Номер, введенный ранее, был стерт из памяти, которая хранила лишь предыдущую информацию: кто-то из курсантов или офицеров отсылал факс, набирая код города Тулы.

Дело сделано.

Ни шагу назад.

Хотя кто сказал?

В последний момент можно отступить – это как пойдут дела общие.

На приказы Магомедова плевать. Хотя бы по одной причине-постулату: «Приказами сражения не выигрывают».

Оставив этот класс, где за мониторами корпели несколько курсантов, человек, отправивший факс командиру диверсионно-террористической группы Адлану Магомедову, с которым он познакомился в начале июля прошлого года, прошел в другой. Там, взяв в руки лазерное стреляющее устройство, он в режиме «пристрелка» и с дистанции 12 метров положил все восемь «пуль» в десятку. Буквально вычистил центр мишени.

Дело сделано.

7

Управлением ФСБ России по Самарской области в Волжском районе города Самары обнаружен склад с оружием. В тщательно замаскированном тайнике хранилось 8 взрывных устройств армейского образца (МОН-90), два десятка электродетонаторов, а также около шестисот боевых патронов разного калибра, 18 ручных гранат РГД-5, 12 пистолетов системы Макарова.

Кому было предназначено содержимое тайника, где были приобретены взрывчатка, оружие и боеприпасы – предстоит выяснить следователям.

Эта статья, опубликованная в «Самарском обозрении», стала полноценным довеском к еще одной публикации в той же газете, целиком посвященной перестрелке, произошедшей «в непосредственной близости от аквапарка «Виктория». Ее, вышедшую в свет под рубрикой КРИМИНАЛ с заголовком «В Самаре найден склад с оружием», Адлан Магомедов прочел с удвоенной ненавистью.

«Кому предназначено содержимое, – еще раз перечитал он, – предстоит выяснить следователям».

Уже выяснили, не без оснований предположил Магомедов, понимая, в чем некая ущербность этой заметки. А она крылась в полуофициальной и стандартной фразе-отговорке в самом ее начале: «В связи с оперативной необходимостью...» Именно в этой связи не разглашалось имя Адлана Магомедова. Дабы не вызвать в городе и области панику. Известие о двадцати с небольшим чеченских боевиках – целая организованная группа – намного превосходило новости об очередном маньяке; последние в Самаре словно прописались: шесть, восемь трупов...

Еще в статье, видимо, по указанию силовиков, журналист «замолчал» 16 комплектов униформы армейского образца – добротный черный камуфляж, вызывающий ужас у потенциальных жертв и трепет у телезрителей.

Теперь на руках Адлана остались выжимки от бывшего арсенала: около трех тысяч автоматных и пистолетных патронов, несколько гранат с нервно-паралитическим газом (скорее психологическое оружие, дающее вкупе с остальным вооружением банды представление о его ассортименте), которые хранились в другом тайнике. Плюс Магомедов мог достать в течение нескольких часов пару десятков стволов «Ижмеха» – «грачей» и даже редкостных «рексов», револьверов калибра 357 «магнум». Это не считая двух «снайперок» и пяти автоматов, один из которых Адлан лично держал в руках и вел огонь по полоумному омоновцу.

То региональные новости. Всероссийские также не радовали: в Воронеже арестован близкий друг Адлана, готовивший теракт. В Саратовской области задержаны двое участников чеченской преступной группы. В пригороде Волгограда обнаружен...

Эпидемия...

Чеченец нервно прошелся по просторному помещению, бывшему приемному пункту стеклотары, чья площадь отошла к фирме «КАМАЗ Волга-Центр» лет пять назад. Обесточили – пришло в голову Магомедова меткое, на его взгляд, определение. Он хмыкнул: взрывчатка, добытая с таким трудом, пойдет взамен оплаты омоновцам. Больше всего достанется тому громадному придурку, который едва не протаранил «Ниву». Дольф Лунгрен долбаный!

Как и в любом российском городе, в Самаре было полно мест для проведения терактов: развлекательные заведения, государственные – тоже заведения и тоже по большому счету увеселительные. Кроме того, Магомедов замахивался на секретные объекты, а на один из них вообще облизывался, понимая, однако, что проникнуть или взять штурмом завод по

детоксикации химических боеприпасов на арсенале в Спиридоновке ³ (Самарская область) практически невозможно. Охрана там мощная, внутрь можно попасть лишь по спецпропускам и пройти дополнительно процедуру идентификации личности на сканере, который считывает данные с папиллярных узоров на ладони и пальцах и флексорных линий ⁴. Причем живой ладони и пальцев, слышал Магомедов. Даже с отрубленными руками служащих арсенала на завод не попадешь. Тут же спросят: «А почему это у вас руки холодные?»

А было бы неплохо подорвать химзавод – вот это диверсия! Когда пары и облака ядовитых веществ накроют не только Самарскую область, но и соседние; когда отравленная атмосфера сожмет, как клещами, горло сотен тысяч жителей. Вот тогда местные погосты станут настоящими мегаполисами.

А завод уже готов к тому, чтобы подорвать его. Так, гендиректор Российского агентства по боеприпасам, «выступая на церемонии завершения первого проекта по созданию системы водоснабжения на объекте по ликвидации химоружия», заявил: «Если раньше планировалось построить три полномасштабных объекта по уничтожению боевых отравляющих веществ, то сейчас Россия предложила провести первую фазу детоксикации химического оружия на всех объектах его хранения, за исключением Кизнера (Удмуртия), откуда боеприпасы будут перевозиться в Самарскую область и уничтожаться там. Что, как минимум, на три года ускорит процесс уничтожения химического оружия в России» ⁵.

Намек гендиректора понятен; жаль только, он не сказал, как попасть на завод, а так сообщил все, что нужно. Особенно Адлану Магомедову и его сподвижникам.

Эпидемия.

Провал.

Из пяти групп чеченских боевиков, просочившихся в пять российских городов, численно почти не пострадало лишь формирование Магомедова. Оружие, нужно лишь оружие, чтобы не дискредитировать себя в глазах людей, которые выделяют на теракты средства, наконец в глазах тех, кто стоит над группами террористов. Просто необходимо сохранить лицо в безнадежной, казалось, ситуации. Все сделать для того, чтобы удар одной группы оказался равен, как минимум, пяти.

Положа руку на сердце, Адлан ожидал еще одного провала. И с той стороны его он ожидал в первую очередь. Тем не менее человек Магомедова, проходящий службу в центре подготовки спецназа ПУРВО, еще не выдал себя, что казалось просто удивительным. Воистину расчет, помноженный на склонность к авантюризму, – страшная сила.

Центр подготовки спецназа. Вот где оружия немерено! И какого оружия! Там новейшие образцы вооружения успешно сочетались со «старыми и добрыми». Там столько мин и взрывчатки, что... Адлан вдруг представил себе почти невероятную вещь: он едет на «Ниве» впереди колонны грузовиков, набитых тротилом и пластиком, а в середине этого радующего глаз «эквивалентного» обоза пара «КамАЗов» с продукцией местного дважды ордена Ленина шарикоподшипникового завода. Эффект поражающего действия поражал даже неукротимые фантазийные мозги чеченца.

Свой человек в учебном центре спецназа, о котором не переставал думать Магомедов, ислам не принимал – его, «обрезанного», раскусили бы в два счета. В спеццентр же он попал, можно сказать, совершенно случайно. От него Адлан получил ценные сведения о составе этого воинского подразделения, о распорядке, караульной службе, об арсенале, хранящемся

³ Местоположение арсенала изменено.

⁴ Флексорные линии (от латинского *flexio* – сгибание) – складки кожи, образующиеся в местах ее сгиба на ладонной стороне кисти.

⁵ С использованием материалов газеты «Известия», 2 апреля 2003 года.

на складах. Но штурмовать такое подразделение равноценно атаке на завод по детоксикации химических боеприпасов.

20.40. Именно в это время, когда на факс директора «КАМАЗ Волга-Центра» пришло сообщение, Адлан Магомедов окончательно поверил в удачу. Сотворенную, однако, его руками. Факс выдал на-гора метр ценной информации, которая, казалось Адлану, шла не от своего человека в учебном центре, а от всевышнего. Он буквально получил приказ – еще и потому, что иного пути не видел; потому, что ему давался шанс реабилитировать все пять диверсионных групп, подчиняющихся лично главе Высшего Военного Моджлис-уль-Шуры. Не сам Магомедов разработал план грандиозного теракта, а тот, кто послал факс, – «крот», говоря на языке разведки; он словно копировал возможности современного аппарата – отслеживать действия и наблюдения за активностью и доступу к архиву. Он, буквально находясь в стане врага, и отслеживал, и наблюдал, и получил своеобразный доступ к архиву.

Магомедов подумал о том, что действовал по военной науке: «если в боевых действиях участвует 20 человек, то еще 70 человек как минимум им помогает». Помогали многие, в частности, директор «Волга-Центра».

Запасной вариант.

Именно он дал результаты. В конце концов он должен был сработать хотя бы потому, что для его реализации были задействованы немалые силы и средства; средства уходили и на конспирацию отдельных офицеров и служащих в войсках и силовых структурах России, готовых помочь в совершении терактов.

Впереди три дня. Главное – не гнать лошадей. Главное (вот сейчас главное) – успокоиться, унять возбуждение. Можно выпить. Хорошего коньяка. А потом распределить между бойцами своей группы «права и обязанности». Кто-то поедет на разведку в Борский район, кому-то достанется иная оперативная работа. Одним из бойцов придется пожертвовать – срочно отправлять его с донесением в Веденский район Чечни; изобилующая наперсниками связь сейчас казалась ненадежной, даже порочной.

Даже в мыслях грех засомневаться в своих силах, переоценить их.

Шанс.

Иного пути нет.

Адлан подошел к Грете Брасас и обнял ее за плечи.

– Намечается работа, – тихо шепнул он, тронув языком мочку уха девушки. – Ты готова?

– Я всегда готова, – ответила латышка.

Глава 5 СБОР ДАННЫХ

8

10 апреля, четверг

Разведывательно-диверсионную группу старшего прапорщика Седова доставили к месту выброски на Ми-24; хоть он и считается вертолетом огневой поддержки, однако рассчитан на переброску десанта. В этом плане «горбатый», грузовая кабина которого весила около тонны, что ухудшало его маневренные и взлетно-посадочные характеристики, уступал, конечно же, Ми-8МТ и малозаметному Ка-60 – с взлетной массой шесть с половиной тонн, рассчитанному на перевозку 14 полностью экипированных десантников или 6 раненых на носилках и с тремя сопровождающими медработниками.

Из люка «горбатого», створки которого открывались вверх и вниз, один за другим выпрыгнули десантники. Рассвет, высота пятьсот метров, прыжок не сложный, однако без принудительного раскрытия парашюта. Грохот вертолетных двигателей и гул лопастей наверняка привлечет внимание жителей близлежащих поселков. Это «упущение» для разведчиков сержанта Литвинова: сообразят опросить местных – хорошо. Нет – проверяющий занесет это в свои бумаги: «доразведка прошла без опроса местных жителей». Но все покажет расторопность разведчиков, то, как они усвоили специальные дисциплины, а некоторые закрепляли их на практике в Чечне. Можно сколько угодно и где угодно воевать, но ничему не научиться. А в учебном подразделении научат всему.

Десантники собрали и спрятали парашюты, посыпали место схрона смесью содержимого дымовых гранат и перца. Преследования с помощью собак не ожидалось, однако Седов ни на шаг не отступал от поставленной задачи и действовал так, как повел бы себя на реальном боевом задании.

Непосредственно перед выброской командир уточнил у штурмана курс вертолета и передал бойцам, чтобы после приземления они могли определить как стороны горизонта по курсу уходящей «вертушки», так и направление на пункт сбора.

Следуя маршрутом на северо-восток, группа Седова всем составом сделала пару петель радиусом в сто пятьдесят метров – еще один совсем необязательный маневр, который понудит взявшую след собаку ходить по «восьмерке».

Спецназовцы передвигались по широкой лесопосадке почти бесшумно, ориентировались здесь – пока никаких, первый – это окраина села Немчанка, к нему они должны выйти прямо из лесополосы, за селом (в трех с половиной километрах) следующий ориентир – скважина с минеральной водой, над которой высилось кирпичное прямоугольное здание, дальше раскинулось редколесье, прорезанное грунтовкой, по сути – заливные луга с островками густых зарослей ивняка. Верба уже оперилась, почки походили на крохотных птенцов, обосновавшихся на голых красно-коричневатых кустах.

Основную базу оборудовали за пару дней до выхода группы в заданный район; эта работа досталась бы Игорю Мельникову, если бы он положил на жертвенник те жалкие часы, которые проспал в роте. База представляла собой подземное укрытие в холме, с входом и запасным выходом, вентиляцией, нарами, колодцем у самого выхода. Эта землянка была не единственной в Борском лесном массиве, подземных укрытий насчитывалось порядка

пятнадцати: в речном берегу с входом над поверхностью воды, в лесу, в овраге, на кладбище, в брошенных домах поселка – с входом через дом в одном случае и с входом через погреб – в другом.

Вряд ли кто-то из местных жителей догадывался, что по соседству с ними разбросаны укрытия для небольших разведывательно-диверсионных групп, оттачивающих свое мастерство «в режиме реального времени». Пролетают вертолеты, оснащенные боковыми фермами с блоками НУРСов, – ну, значит, салют Мальчишу.

Холм над землянкой разросся чилигой и шиповником. Вход замаскирован так надежно, что даже Упырь, некогда возводивший это укрытие, не сразу обнаружил его. Остальные бойцы внимательно изучали план местности с условными обозначениями: маршруты выхода и возвращения на базу, пути отхода в случае опасности, позиции для обороны в случае внезапного нападения, наблюдательный пункт, место тайника с письменным указанием о дальнейших действиях группы.

Нары в землянке сырые, холодные. Первым под землю спустился сержант Пиебалгс и стал принимать от товарищей тяжеленные рюкзаки. Командир с Ротвейлером – сержантом Антоном Соколовым, как с верным псом, отправился на поиски тайника. Он находился в ста метрах от землянки под березовым пнем. Упырь знал свою основную задачу, а «вскрытие пакета» – для рапорта, которого ждут на Арбате. Задача команды Седова – минирование железнодорожного полотна, считай, стратегического объекта на Южно-Уральской железной дороге, по которой движутся эшелоны с военной техникой и личным составом, с последующим уничтожением живой силы. Вскоре на этом участке пройдут эшелоны с немецкой техникой с перенаправлением на Афганистан. А задача разведгруппы сержанта Литвинова – обнаружение противника, скрытно действующего на территории России, и предотвращение диверсии.

Сложная задача, почти невыполнимая, однако бороться со слабым противником – себе дороже, всегда учатся на сильном.

Рудгер Хауэр, развалившись на нарах, зевнул. Только сейчас латыш понял, что ему выпала возможность довоспитать дерзкого снайпера в полевых условиях. Было в глазах Литвинова что-то отталкивающее, может, чрезмерная их прямота? Он был как бы нараспашку, однако за этой простотой крылось что-то прямо противоположное; снайпер казался двуликим Янусом.

В этой чащобе собрались наиболее опытные сержанты и офицеры центра подготовки войск спецназа, принимавшие участие в спецоперациях на территории Чечни, Дагестана, Грузии, Азербайджана. Если кого-то из них и «разморила» слегка ленивая атмосфера в полку, то не намного. Может, в поведении появилось больше вальяжности и, как следствие, больше уверенности в своих силах. А если она демонстрировалась перед курсантами, то вполне была называться самоуверенностью. Например, Колун и Миротворец не преминут покомарить на нарах лишний часок-другой. А Артемий Оганезов по кличке Органайзер, отправившись на наблюдательный пункт и зная приблизительное время появления «противодиверсантов», пропустит мимо ушей подозрительный шорох в кустах, хлопанье крыльев потревоженной человеком птицы – это ночью. А днем проглядит ее настороженную позу, говорящую о готовности к прыжку, то, как вытянута ее шея в направлении объекта тревоги, в то время как ее клюв направлен в сторону, поскольку все птицы, кроме сов, рассматривают предметы одним глазом; то, как удаляется она от объекта опасности – взлетает без разворота и в противоположном направлении. В этом смысле группа Литвинова имела преимущество, молодые бойцы рефлекторноотреагируют на то, что пройдет незамеченным для более опытных товарищей.

11 апреля, пятница

Адлан Магомедов потерял по большому счету одного бойца – Сулима Цекалова, жертвовал же полевой командир во время перестрелки на Московском шоссе людьми, которые были полезны в подготовке диверсии, но никчемны как исполнители.

В отряде Адлана было пять женщин, четыре из них – чеченки-шахидки: сестры Джабраиловы – Алла и Фатима, Лиля Газманова и Эльвира Мусаева, которую со дня на день ожидали на базе. Не пройдет и двух дней, как 19-летние девушки инстинктивно начнут держаться Эльвиры – старшей из них, ей было 34 года. Они потеряли традиционную чеченскую семью, где авторитет отца непререкаем, а взамен приобрели другую – джамаат, где единственный авторитет – эмир джамаата. «Его слово – закон: скажет убить отца или брата – будет исполнено. Прикажет пожертвовать собой, также никто не ослушается». Для этих четверых женщин эмиром был Шамиль Басаев, а его адептом здесь – Адлан Магомедов.

Адлан в нетерпении поджидал Василия Червиченко и Алексея Косицина, двух своих боевиков, которых в отряде называли не просто, а очень просто: Хохол и Кацап. Боевики выехали в Борский район еще вчера, в ночь, но что-то задерживаются: время уже половина одиннадцатого вечера.

Что-то противоестественное было в ожидании товарищей. Чеченские аулы и станицы – это понятно, это привычно. А вот русские деревни и поселки, по дорогам которых колесили приверженцы ваххабизма, вызывали в чеченской душе и уме протест. Бой в станице Червленная – нормально. Битва за аул Нижний-Юрт – тоже пойдет. Но вот, к примеру, теракт в Старой Бинарадке или сражение в Новом Буяне – это смех и слезы, это анекдот какой-то. Ущербность. Россия никогда не застесняется повоевать за аул, а чеченцы нарушат правила дорожного движения, лишь бы на большой скорости пронестись мимо навозного запаха Куропатовки...

И еще одно: с аулами и станицами, разбросанными в горных районах Чечни, сочетались лишь крупные российские города да сама столица.

Хохол и Кацап приехали в начале двенадцатого. На лицах «двух товарищей» играла усталая улыбка. Червиченко первым делом взялся за банку с пивом, разорвав пластиковую упаковку. Пил так жадно, словно вчера хорошо посидел в центре Аравийской пустыни.

Адлан терпеливо ждал... когда Василий рыгнет; рыгал он оглушительно, равно как и храпел; спать с ним рядом было невозможно.

– Все подтверждается, – начал Червиченко. – Сегодня с восходом направлением на северо-запад прошел «горбатый». Примерно в трех километрах западнее Немчанки он сделал разворот на обратный курс и в паре километров южнее поселка выбросил десант.

– Сколько человек?

– Не знаю. Видели краем глаза. – С большого расстояния Червиченко казалось, что вертолет бреет лесополосу, на самом деле до земли было не меньше четырехсот метров.

– Что там за местность? И как лучше всего туда попасть?

– Все срисовали, Адлан, не беспокойся. От Самары примерно 120 километров. Лучше всего добираться либо на поезде «Самара – Оренбург» – он отходит с вокзала в 17.55 Москвы, либо с пересадкой на электричке. Из Самары до Кинеля ходит электричка, – пояснил Хохол, – а из Кинеля до Немчанки можно добраться рабочим поездом «Кинель – Бузулук».

– В каком смысле – рабочий поезд?

– Его еще «малышком» называют, – пояснил Червиченко, – а иногда – «коротеньким». Всего три вагона, утром и вечером развозит бригады путейцев, а вместе с ними – местных. Кроме как «малышком», из Кинеля в Борский район больше ни на чем не доберешься – разве что на попутках. Всего несколько остановок: Спиридоновка, Тростянка, Грачевка, Молодежная, Богатое, Кураповка, Заливная и Коноваловка. За ней – Немчанка. Все.

– Все?.. Я думал, ты никогда не кончишь. А если на машине?

– Опасно, Адлан. Половина наших в розыске. А постов ДПС на пути хватает. Оpoznаю одного и провалят все дело. Лучше по «железке». Я узнавал, на 630-м «Самара – Оренбург» милиции нет, даже перед отправлением вагоны не проверяют. Билеты брать необязательно, проводники с удовольствием берут наличными, причем в два раза дешевле, чем в кассе. Тенишев может подтвердить, он часто в ту сторону мотается.

– Хамзат приедет только завтра. Что конкретно ты предлагаешь?

– Разбиться на несколько групп. Одна группа поедет перекладными: на электричке до Кинеля, оттуда до места на «коротеньком». Вторая сядет на 630-й – на вокзале. Третья – на станции «Безымянка»: это единственная остановка в Самаре. Следующая остановка в Кинеле, где сядет четвертая группа, которая приедет туда на электричке. Таким вот образом и не вызывая подозрений, намотают на колеса все 120 верст.

– Не вызывая подозрений?.. Это когда пятнадцать человек выйдет на одной станции?

– На разных, Адлан, и в разное время. «Коротенький» прибывает на Заливную в половине седьмого вечера, «Самара – Оренбург» – в половине десятого. Мы с Лешей поедem на «КамАЗе» – так и так нам оружие и взрывчатку везти. Мы подбираем первую группу в Заливной, ждем 630-й, забираем вторую и едем в Немчанку, чтобы подобрать остальных – всего-то десять километров. Мы поедem пустые, на выезде из города гаишники редко останавливают порожние грузовики. За рулем славяне, чего еще надо? Проскочим все посты. А от Богатого до Борского нет ни одного. Завтра же можно и начать.

– Ни завтра, ни послезавтра не получится. Хамзата и Руслана придется ждать. – Но дело даже не в них, размышлял Магомедов, а в Эльвире, которая завтра утром вылетает из Стамбула. Без ее участия теракт был бы ущербным: лишь два десятка «собак», «гоблинов», российских спецназовцев.

Адлан потер небритый подбородок и долго смотрел на молчавшего Кацапа. Косицин во время безудержной речи товарища лишь кивал головой.

– А теперь давай с самого начала, – сказал он Червиченко и положил перед ним лист бумаги. – Рисуй станции, ставь расстояния. В этом деле осечек быть не должно. Если что, шкуру с тебя спущу, понял?

10

Чечня

Завершающаяся неделя в Чечне и радовала, и огорчала одновременно. Боевики активизировали минную войну: за пять дней 14 подрывов автомобильной техники. В результате чего девять человек погибли, 12 ранены. Саперы обезвредили более 130 взрывных устройств, в том числе 18 фугасов. Боевые столкновения федеральных сил с боевиками отмечены в Октябрьском и Ленинском районах Грозного, в Веденском, Ножай-Юртовском и Шалинском районах Чечни. Сорок боевиков убиты, двое взяты в плен. 10 апреля в Аргуне было обезврежено взрывное устройство, снабженное фотоэлементами. В районе селения Мурушкин Хутор в ходе разведывательно-поисковых мероприятий обнаружен заминированный схрон боевиков. На перегоне Аргун – Джалка саперы обезвредили фугас нажимного действия. На автомобильной трассе Аргун – Мескер-Юрт найден РПГ-7, снабженный пусковым устройством с таймером. В Грозном ликвидировано бандформирование эмира джамаата Руслана Эдилова. Эта банда причастна к нескольким террористическим актам, в частности к взрыву пассажирского автобуса, в результате которого погибли шесть и были ранены десять строителей, а также к подрыву автомашины с военнослужащими.

На все вертолеты армейской авиации из состава ОГВ на Северном Кавказе установлено дополнительное оборудование, предназначенное для защиты от ПЗРК. В прошлом месяце из республики к местам постоянной дислокации отправились более 2 тысяч военнослужащих, а также около 400 единиц военной техники. В то же время Чечню уже покинули более тысячи военнослужащих. Объединенная группировка сейчас насчитывает около 80 тысяч военнослужащих и сотрудников силовых ведомств. Замминистра обороны Игорь Пузанов заявил, что в Чечне федеральным войскам противостоит около тысячи боевиков⁶.

Руководитель оперативно-следственной группы Главного разведывательного управления полковник Артемов расположился в кабинете начальника армейской разведки ОГВ на Северном Кавказе. С сугубо официальных, информационных строк Михаил Васильевич переключился на должностные, или служебные. Перед ним лежал рапорт командира отряда особого назначения майора Николая Свицина, которого и поджидал Артемов. Майор Свицин со своим батальоном, усиленным тремя расчетами АГС-17, проводил операцию по блокированию крупной банды боевиков в Автурах. Согласно боевому распоряжению Командующего ОГВ №... «отряд Свицина в составе трех разведгрупп на 4 вертолетах Ми-8 десантировался посадочным способом в районе с. Автуры».

Почерк у комбата странный, отметил полковник Артемов. Не мельчи – сказал бы он майору, будь он на месте учителя. Буковки, выведенные шариковой авторучкой, мелкие, но широкие, словно объемные. Трехмерные – пришло сравнение. Вот говорят, по почерку можно определить характер человека. Полковник улыбнулся, соглашаясь: можно, если прочесть досье на этого человека, написанное его же рукой.

Полковник Артемов, ответив на приветствие комбата и указав место за столом, отметил его нервозность, вызванную усталостью, суетливые движения рук. «Как и я, без работы жить не может», – похвалил и себя, и собеседника полковник.

Михаил Васильевич начал беседу с напоминания о том, что во время спецоперации, проведенной майором Свициным, в плен сдались два боевика. Один из них – Леча Мавлидов – вчера был обнаружен в камере временного содержания мертвым.

⁶ По материалам приложения к «Независимой газете» «Независимое военное обозрение».

– Порвал рубашку на полосы, сплел веревку и вздернулся, – детализировал полковник, как раз прибывший из Москвы затем, чтобы лично побеседовать с задержанным Мавлидовым.

Майор пожал плечами и приподнял бровь.

– Надеюсь, рубашка была не моя.

А его холодный взгляд мог поставить точку в едва начавшейся беседе: «Туда ему и дорога».

– Он так и не успел дать показания, – продолжил полковник, понимая, что показания не успели взять силовики. Нужно было колоть Мавлидова сразу, зацепившись за его «чисто-сердечные признания», сделанные в первые минуты после сдачи спецам комбата Свидина. Именно настрой чеченца на сотрудничество с правоохранительными органами и успокоил последних. Они дали ему передышку, и Леча перекрыл кислород и своим дыхательным органам, и органам правопорядка. Шустрый парень. По большому счету бандит не знал, что ему делать и как себя вести. Поначалу он просто спасал свою шкуру, а после, когда сказал «а», пораскинул мозгами: продолжение для него «смерти подобно». И сделал выбор: сам наложил на себя руки, как никто другой понимая, что его предательство принесет ему куда большие мучения: через неделю или две его бы порезали на гуляш в той же камере братья по оружию, которые продолжали камуфлироваться под местных омоновцев. Они и тело Мавлидова забрали так оперативно и закопали так глубоко, будто опасались, что горловая опухоль Лечи может пойти на убыль и он разговорится.

– Припомните, – попросил полковник комбата, – слово в слово, что сказал Мавлидов, когда сдавался в плен.

– Я писал об этом в отчете: всего несколько слов.

– Вы давили на него?

«Глупый вопрос», – пожал крутыми плечами комбат. Чеченец, глянув на сержанта по кличке Мамай, звеньевое одной из разведгрупп, едва не наделал в свои вонючие подштанники и освободил память от всех «показаний, заблуждений, паролей и явок». В руках громилы-спецназовца бандит видел не автомат, а косу, не бандану на голове, а черный капюшон. Потому второпях выковыривал из своих мозгов «ценную информацию». Действительно ценную, на ее основании в штаб-квартире ГРУ было проведено оперативное совещание и принято решение о разработке преступной группы, названной внутриведомственной. Собственно, задачи такой группы вычислить было легко: изучать биографии бойцов (а значит, делать запросы по линиям МВД, ГУВД, УВД, что также значит, что в войсках и силовых структурах действует разветвленная сеть чеченского криминалитета), вербовать, подкупать молодых солдат, шантажировать, используя для этого всевозможные рычаги, включая и девушек-чеченок, которые во время увольнительных солдат и курсантов знакомились с ними, вступали в интимную связь и прочее. Возможно, не один попался на такой крючок.

Некогда Леча Мавлидов входил в один из отрядов Аслана Масхадова, а когда при «чеченском Бисмарке» осталась по большому счету пара охранников, не готовых, однако, умереть за «президента, парламент и суверенитет», Мавлидов переметнулся на сторону Шамиля Басаева и встал под знамя так называемого объединения Высшего Военного Моджлис-уль-Шуры. В отряде, который был уничтожен комбатом Свиным, Леча Мавлидов исполнял роль комиссара и разжигал и так горящую зеленым пламенем ненависть к кафирам – неверным. А сдаваясь им в плен, отчасти сдал и своего босса, готового на одной ноге ковылять в «светлое шариатское будущее». По словам «комиссара», в учебном центре войск спецназа Приволжско-Уральского военного округа у Шамиля Басаева есть свой человек, на которого делается ставка в очередном теракте, и он в свое время принимал участие в спецоперациях федеральных войск в Чеченской Республике.

– Все-таки, – настаивал Артемов, – может быть, Мавлидов назвал имя или хотя бы звание человека Басаева в учебном центре спецназа?

– Нет, – покачал головой майор Свидин. – Я бы запомнил. – Как не усомнился бы относительно правдивости чеченца. Во-первых, «дух» был напуган, а в таком состоянии ложь читается по глазам. Во-вторых, он точно назвал дислокацию учебного центра войск спецназа, фамилии и звания командира и начальника штаба этой войсковой части. И последнее: Леча не знал эту «моль» по имени, иначе выложил бы все подробности еще до помещения его в изолятор временного содержания. Имя человека, на которого делается ставка в крупном теракте, редко произносится даже в узком кругу Басаева, резонно предположил полковник Артемов. На то она и «моль», чтобы незамеченной делать невосполнимые бреши; «моль», адаптированная к превентивным мероприятиям, как настоящая – к нафталину и нюхательному табаку.

Офицер? Сержант? Рядовой? – гадал разведчик. Скорее – офицер. Что можно поставить на рядового? А на сержанта? И какова его задача? Вооружение? На складах учебных подразделений хранятся новейшие образцы оружия – равно как и в частях спецназа. Учебные подразделения спецназа даже опережают давно сформированные отряды специального назначения, поскольку идут, точнее, начали вышагивать в ногу со временем, то есть в плане технического оснащения и тактики. Да, пожалуй, и тактики тоже. Даже в этом плане один лишь человек мог нанести непоправимый вред системе подготовки бойцов спецназа. Зная тактику противника, становишься сильнее его – аксиома. Мобильные отряды чеченских боевиков уже мало чем отличаются от разведывательно-диверсионных групп спецназа, а в плане минно-взрывной подготовки опередили их.

Масса вопросов, ответы на них, несомненно, будут найдены, но вовремя ли?

Заметно сужал круг поисков тот факт, что человек Басаева принимал участие в спецоперациях на стороне федеральных сил и (предположительно) был в чеченском плену. Очень заметно. Фактически затягивал петлю на шее предателя. Неважно, по каким соображениям он перешел на сторону бандитов – корыстным, идеологическим, каким угодно.

Отпустив майора Свидина, Артемов еще в течение часа беседовал с глазу на глаз с начальником армейской разведки; тот дохаживал в своей должности последние дни. Скорее всего он пойдет вслед за начальником штаба Северо-Кавказского военного округа генерал-полковником Владимиром Булгаковым⁷, который возглавлял штаб округа с марта 2000 года. А его место в штабе СКВО пророчат командиру корпуса, штаб которого дислоцирован в Улан-Удэ, генерал-лейтенанту Алексею Маслову.

В связи с оперативными мероприятиями, связанными с разработкой «внутриведомственной группы», полковник Артемов был вынужден задержаться в Чечне еще на сутки. Но задержался на двое. Затем, закончив сбор данных по этому делу здесь, в Чечне, вместе со своей командой вылетел в Самарскую область, чтобы завершить работу в учебном центре войск спецназа Приволжско-Уральского военного округа.

⁷ Генерал-полковник Владимир Булгаков 26 марта 2003 года освобожден от должности начальника штаба СКВО и выведен в распоряжение министра обороны.

Глава 6 РЕФЛЕКС МОРО

11

Самарская область, 13 апреля, воскресенье

Капитан Шаров, тронув спящего сержанта за плечо, предвидел его реакцию, но пока не мог точно объяснить ее. Отчего появляется испуг на лице Александра Литвинова, когда сон его прерывается не общей командой «Подъем!», а обычным прикосновением или «нестандартным» обращением: «Сашка, вставай»? Вот уже в четвертый раз за эти несколько дней, которые Литвинов находится в учебном центре, капитан поднимал сержанта до общей побудки. А впервые страх в его глазах Андрей Шаров увидел в день, когда рота заступила в караул. Разведя две смены и получив разрешение на двухчасовой отдых, разводящий сержант Литвинов лег на койку, как и полагается, не раздеваясь, лишь сняв обувь. По истечении двух часов начкар Шаров потряс сержанта за плечо...

У Андрея сложилось такое чувство, что Литвинов не проснулся, а, наоборот, стремительно окупнулся в кошмарный сон и увидел толпу демонов.

Не только капитан заметил необычное состояние сержанта, – Игорь Мельников, качнув стриженной бобриком головой, присвистнул: «Эй, гусар! Ты только не обделайся в кровати. Сходи-ка на горшок».

Литвинов чего-то боялся. Когда в очередной раз Шаров увидел его широко распахнутые глаза, он пришел к неожиданной на первый взгляд мысли: его подопечный боялся, что за ним придут.

Капитан продолжал наблюдать за ним. Во время курса по системе базирования в тылу противника, выбора места, обеспечения безопасности баз, который вел Андрей Шаров, в аудиторию зашел начальник штаба подполковник Евгений Коваль. Литвинов смотрел на эншэ как на судью или палача, пришедшего по его душу; взгляд сержанта тем не менее переметнулся за спину подполковника, на открытую дверь. Что или кого он пытался увидеть за ней? Конвой?

Конвой...

Опять же довольно смелый подсознательный вывод капитана Шарова.

Даже не зная причин Сашкиных испугов, капитан тем не менее, как никто другой, мог посочувствовать сержанту, вернее, понять его. Первые полгода после плена Андрей вздрагивал от посторонних шумов, просыпался в холодном и липком поту. Его долго не отпускала мысль, что он все еще там, в сыром зиндане, а тяжелая погребная крышка открывается затем, чтобы впустить тех, кто пришел за ним, пришел в последний раз. Как дважды приходили за его товарищами по несчастью. Бог миловал Андрея, он не слышал их предсмертных хрипов, казнить их уводили к быстрой речушке, где обычно, перерезая пленникам горло, их трупы просто спихивали в беспокойные пенистые воды.

Тягостное чувство: несчастных больше нет, но есть их трупы. Им ли они принадлежат? Наверное, им, раз так говорят. Видят ли они, что творится вокруг них, жалеют ли себя – себя в двух ипостасях – начала и конца? Не те ли это два ключа, открывающие дверь в тайну мироздания?

Литвинов не был в плену, но за два месяца боевой стажировки увидел достаточно, чтобы стонать и дергаться во сне, пробуждаться с ошалелыми глазами и трясущимися руками, выглядеть беспомощным младенцем с врожденным рефлексом Моро, когда сводит руки и вытягиваются ноги. Запомнил ли он тех, кого настигла пуля, выпущенная из его снайперской винтовки? – спрашивал себя капитан. Или тех, кого, по его наводке, накрыл град подствольных гранат?

Может быть. Только капитан Шаров не мог отделаться от первого впечатления и первого, по наитию, объяснения:

«За ним должны прийти».

Он кого-то ждал.

Конвоя.

За что? Что темное скрывается в его ясных глазах? В какие тайны ведет черная бездна его зрачков?

Что-то не так в датском королевстве. Что-то не так.

Андрей несколько раз перечитывал Сашкину биографию, характеристики на него, лестные отзывы о нем спецназовца лейтенанта Петренко, его непосредственных начальников и командира части.

«Джентльмен безупречного мужества и незапятнанной чести». Капитан Шаров фактически воспроизвел подпись под фамилией Эдгара Гувера⁸ на выпускном снимке кадетского корпуса. Блестящая – можно и так сказать – репутация. Собственно, в этом не приходилось сомневаться, и не читая биографию сержанта Литвинова: он единственный из роты, кого направили в центр подготовки войск спецназа. Аспирант – пришло довольно удачное сравнение. А почему бы не дать ему этот позывной? Аспирант – вполне подходящее прозвище, в котором слышится что-то латиноамериканское, а значит, модное. Значит, подходящее ему, молодому сержанту, специалисту с большой буквы.

В школе и на стажировке Литвинов зарекомендовал себя с положительной стороны. Тогда где он мог испачкаться? Капитан не любил неразрешенных вопросов, которые имели свойство занозой сидеть в мозгу, а порой и в сердце, – поэтому, подтвердятся его подозрения или же в конце концов он посмеется над ними, в этом вопросе он пошел до конца и обнаружил значительный промежуток времени – целых три дня, которые сержант Литвинов пропал неизвестно где. Из поселка Ясный, Домбаровский край, где дислоцировалась школа снайперов, его на служебном «уазике» довели до орского железнодорожного вокзала, и он сел в поезд.

По идее, прибыть в расположение учебного центра сержант Литвинов должен был максимум через сутки, а явился на четвертые, причем в соответствии с предписанием прибыть туда-то и тогда-то.

Собственно, подозрения родились, как поначалу показалось Шарову, из первоапрельской шутки дежурного по войсковой части 1286-Р (Школа по подготовке снайперов). На вопрос ротного, когда встречать Литвинова, дежурный, видимо, порывшись в бумагах, ответил: «Уже отправили Литвинова. Встречайте 4 апреля. Так, сейчас посмотрю во сколько... В 7.55 Москвы». Действительно, шутка: звонок был сделан как раз 1 апреля. А дежурный вряд ли стал забивать себе голову этим явным несоответствием.

А спустя несколько дней на запрос ротного по телефону начальник штаба войсковой части 1286-Р майор Румянцев отреагировал затяжным молчанием, затем сказал, что перезвонит. Перезвонил Дмитрий Антонович через полчаса, выясняя эту темную историю с предписанием. Оказалось – ошибка: в штабе перепутали то ли цифры, то ли дни недели. Одним

⁸ Дж. Эдгар Гувер, директор Федерального бюро расследований США, возглавлявший ФБР около полувека.

словом, штабные не знали, как пишется слово «фторник» – через «е» или через «и», а в словаре на букву «ф» нашли только «фуфайку».

...Да, на лице Литвинова колоритными красками снова выписан испуг, еще отчетливее, чем наблюдалось ранее. Чем дальше в лес, тем страшнее партизаны? «Где же ты пропал эти трое суток? И с кем?»

Одним телефонным звонком начальнику штаба капитан Шаров не ограничился. Взяв на себя обязанности офицера особого отдела и не докладывая последнему о своих соображениях, он связался с военкомом в Коломне и попросил подполковника аккуратно, дабы не напрячь родителей Литвинова, узнать, появлялся ли сержант дома 2 – 3 апреля. Аккуратно – означало осторожно, а значит, не давало стопроцентной гарантии. И все же работа военкомовских работников удовлетворила ротного: Литвинов дома не появлялся. И, по идее, мог появиться там с большим трудом. 1 апреля он сел в поезд 191 «Орск – Москва», который даже в Самару прибывает на следующий день (в 10.40) и стоит там больше сорока минут, да сутки будет трястись до Москвы. Уже получается полтора суток. Сутки на 192-м («Москва – Орск») на обратную дорогу. Плюс Литвинову нужно было снова пересесть на 191-й – допустим, за одну-две станции. Проводники, конечно же, разрешили бы служивому прокатиться без билета. Как бы то ни было, но Литвинов пересаживался на встречный, был он в Коломне или не был.

– Просыпайся, Сашка, умывайся. После зайди ко мне.

Командир роты похлопал сержанта по плечу и вернулся в свой кабинет.

Литвинов предстал перед начальником ровно через пять минут: с розовыми от холодной воды щеками, подтянутый, стройный, бодрый, как после утренней пробежки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.